ПРОЕКТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ПРОТОКОЛ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ЛАРА ВЕЙН

18+

СЕВЕРНЫЙ СФИНКС

Сфинкс Северный

Проект Происхождение Протокол

«Автор»

2026

Северный С.

Проект Происхождение Протокол / С. Северный — «Автор», 2026

Хакер Артём по прозвищу Нео привык вскрывать любые системы. Но от этой задачи холодеет даже он: он очнулся на чужой планете — в теле мёртвого техника, с чужим именем, чужим долгом и чужими тайнами.Его команду, выдернутую с Земли без спроса, разбросало по чужим телам и судьбам целого мира. Где-то наверху, в сияющих садах Верхнего яруса, — свои. Где-то внизу, в доках и подпольях, — враги. А между ними — город, где людей продают за долг, где по сетям бродят те, кого стёрли из памяти мира, и где за правду убивают тихо и без следа.

© Северный С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Больница 5
Глава 2. Девяносто один час 19
Глава 3. Жизнь Тарна 33
Глава 4. Город как код 45
Глава 5. Пыльца 52
Глава 6. Разминулись 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Лара Вейн, Сфинкс Северный
Проект Происхождение Протокол

Глава 1. Больница

Утром я первым делом посмотрел на руки.

Была у меня такая надежда — глупая, детская, из тех, что живут ровно до первого взгляда. Что я проснусь у себя на съёмной однушке на Васильевском, под одеялом с дыркой, которое Настя всё грозилась выбросить. Что на тумбочке будут очки, телефон с тремя процентами заряда и вчерашняя кружка с чайным пакетиком, присохшим ко дну. Что всё это — тот подземный зал, свет, носилки, две луны — окажется сном. Длинным, подробным, очень хорошо отрендеренным сном.

Руки были чужие.

Широкие. Тёмные. В белых шрамиках от ожогов. На тыльной стороне правой ладони — порт. Три контакта. Круглый ободок, вросший в кожу так плотно, будто тело само его вырастило.

Ну и ладно, — подумал я. — Зато без очков.

Шутка вышла так себе. Но я её всё равно засчитал. Шутки — это как резервное копирование: пока они есть, система ещё работает.

[…ЗАГРУЗКА… 13%]

Окно висело в углу зрения. Серое, рябое, с битыми пикселями по краю. Пока я спал, оно доползло с десяти до тринадцати. Три процента за ночь. Если верить прогнозу — девяносто один час на всё, — эта штука разгонялась. Если не верить — я лежал в чужом теле в чужом мире, а в голове у меня тикал счётчик неизвестно чего.

Я выбрал верить. Это проще.

* * *

Комната была та же, что и вчера. Маленькая. Белая. Стены — не крашеные, а словно отлитые целиком, без единого шва, гладкие и чуть тёплые на ощупь. Кровать — узкая, с бортиками, которые сами поднялись, когда я ночью заворочался, и сами опустились, когда я сел. Над изголовьем — панель, по которой бежали тонкие зелёные линии. Моё сердце, надо полагать. Чужое сердце, которое вчера четыре минуты не билось.

Окно — во всю стену. За ним — город.

При дневном свете он был ещё невероятнее, чем вечером. Весь — серебристо-голубой, в лёгкой дымке, как будто его нарисовали на запотевшем стекле. Белые башни уходили вверх, сужаясь, как иглы, а у их подножий стены не стояли, а текли: плавные изгибы, арки, крыши, похожие на гребни волн. Ни одного прямого угла. По стене соседнего здания сверху вниз сбегала вода — сплошной прозрачной занавесью, метров на сорок, и внизу уходила в узкий канал вдоль улицы. Мостовые блестели, как мокрые, хотя дождя не было. Между башнями тянулись мосты — тонкие, ажурные, будто их не строили, а вязали крючком. По прозрачным трубам и по тонким рельсам над улицами скользили капсулы — гладкие, обтекаемые, похожие на капли ртути. Над крышами, низко, деловито жужжа, проплывали дроны с ящиками в лапах.

А над всем этим, метрах в трёхстах над шпилями, висел потолок. Тёмный, тяжёлый, на колоннах шириной с городской квартал. Солнце сюда почти не доставало — только по краям, косыми полосами, — и весь город жил в огромной мягкой тени, как в пасмурный день, который никогда не кончается.

Только теперь я разглядел, что огни на потолке — это не лампы. Это окна. Там, наверху, тоже был город. Он стоял на нашем городе, как второй этаж на первом.

Средний город, — подумал я.

И замер.

* * *

Потому что я этого не знал.

Я, Артём, — не знал. Я видел этот потолок вчера впервые в жизни. Я понятия не имел, как он называется, что там наверху и есть ли у него название вообще.

А в голове уже было: Средний город. Средний ярус. Над ним — Верхний, выше облаков, куда таким, как мы, хода нет. А мы — внизу. Нижний город Техноса. Доки. Энергоузлы. Общежития касты.

Слова пришли сами. Как приходит номер телефона, который набирал тысячу раз: не вспоминаешь — просто знаешь.

Я сидел на кровати и боялся шевельнуться. Как будто от резкого движения это знание могло расплескаться.

Технос, — подумал я. Осторожно. Как трогают языком больной зуб. — Город называется Технос.

Да. Технос. Столица. Самый большой город касты Техносов на всём Элизиуме.

Элизиум.

Планета называлась Элизиум.

* * *

???: *…ПАМЯТЬ НОСИТЕЛЯ — ДОСТУПНА…*

Голос в голове прорезался ровно в эту секунду. Механический, рваный, как радио, которое ловит станцию через раз.

Это ты? — подумал я. — Это ты мне сейчас всё это загрузил?

???: *…ОТРИЦАТЕЛЬНО… ПАМЯТЬ НОСИТЕЛЯ — НЕ ТРЕБУЕТ ИНИЦИАЛИЗАЦИИ… ПАМЯТЬ НОСИТЕЛЯ — ЧАСТЬ НОСИТЕЛЯ…*

Тогда почему вчера я ничего не понимал? Ни слова. Ни одного.

???: *…ГИПОКСИЯ… ОСТАНОВКА СЕРДЦА — 4 МИН 12 СЕК… ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СВЯЗЕЙ НОСИТЕЛЯ — 9 ЧАС 40 МИН… ЗАВЕРШЕНО…*

Я переварил это.

Значит, вот как. Вчера этот мозг — мозг Тарна — только-только перезапустился после четырёх минут без кислорода. Как сервер после аварийного отключения: питание дали, вентиляторы крутятся, лампочки мигают, а диски ещё не смонтированы. Всё, что Тарн знал, лежало на месте. Просто система до этого ещё не дотянулась.

А за ночь — дотянулась.

И теперь у меня в голове было двое.

Я. Двадцать пять лет. Петербург, Python, Настя, однушка на Васильевском, проект «Происхождение», зал света под землёй.

И он.

* * *

Я не знаю, как описать это нормально. Я потом много раз пытался — для себя, — и всё время получалось криво.

Это не было похоже на архив, который можно открыть и пролистать. Память так не работает — ни своя, ни чужая. Ты не можешь сесть и «вспомнить всё». Ты даже не знаешь, что именно ты знаешь, — пока жизнь не спросит. А когда спрашивает, ответ просто есть. Как умение ездить на велосипеде: не помнишь, как учился, но садишься — и едешь.

Я посмотрел на потолок за окном — и знал, что это Средний город. Подумал о том, где я работаю, — и перед глазами встал энергоузел номер девять в доках: ночные смены, распределительные щиты, которые надо проверять каждые четыре часа, и старый трансформатор на третьем уровне, который всё время перегревается. Подумал о том, где живу, — и вот он, длин-

ный коридор общежития касты Техников, одинаковые двери, общая кухня, где вечно пахнет пережаренным маслом. Вспомнил вчерашнего седого с носилок — и знал его лицо так, как знают лицо соседа по лестничной клетке.

Эрхен. Его зовут Эрхен. Напарник. Друг.

Тарн знал его двенадцать лет.

Знание приходило само, на каждый вопрос, — тёплое, привычное, без усилия. Совсем как своё. Только не моё. Своё вспоминается вместе с тем, что ты тогда чувствовал. А это приходило готовым, как ответ из справочной: верным, подробным — и как будто через стекло.

Хорошо, — подумал я. И сам удивился, каким ровным получился голос у меня внутри. — Хорошо. Без паники. Пункт четырнадцатый.

Пункт четырнадцатый. У меня есть память Тарна. Язык. Город. Работа. Люди.

Пункт пятнадцатый. Это значит, что я смогу быть Тарном. Не изображать. Быть.

Пункт шестнадцатый. Это значит, что вчерашний «техник, который орал не по-нашему», выглядит сейчас очень, очень подозрительно.

* * *

Дверь открылась без звука — просто разъехалась в стороны, как диафрагма объектива.

Вошла женщина. Средних лет, в бледно-зелёном комбинезоне, с волосами, туго собранными на затылке. На пальцах у неё были кольца — не украшения, а что-то вроде датчиков: тонкие металлические ободки с крошечными огоньками. Она провела рукой над панелью у изголовья, и линии на панели послушно сменили цвет.

Потом посмотрела на меня. И сказала:

— Ну? Голова на месте?

Я понял.

Каждое слово. Целиком. Без перевода, без паузы, без того, чтобы где-то внутри щёлкал словарь. Звуки были те же, что вчера, — гортанные, щёлкающие, с длинными гласными, — но теперь они значили. Просто значили. Как значит «привет» или «мама».

И раньше, чем я успел подумать, раньше, чем успел испугаться, чужой рот ответил чужим, низким, прокуренным голосом:

— Вроде на месте. Только гудит.

На их языке.

Я услышал себя со стороны и чуть не прикусил язык. Тот самый, которым только что говорил.

Женщина кивнула. Без удивления. Как будто так и надо.

— Гудеть будет ещё дня три, — сказала она. — Это нормально. Я Ойра, твой врач. Вчера ты меня видел, но вряд ли запомнил.

— Не запомнил, — честно сказал я.

— Не удивительно. — Ойра подняла палец и повела им вправо-влево. Я проследил. — Четыре минуты без сердца, Тарн. Медики на причале уже простынёй тебя накрыли. Ты вообще должен был не очнуться. А если очнуться — то овощем.

— Спасибо, — сказал я. — Обнадёживает.

Уголок её рта дёрнулся. Почти улыбка.

— Шутишь — значит, лобные доли целы, — сказала она. — Что последнее помнишь?

Вот оно.

* * *

Вопрос потянул за собой ответ — сам, как тянется нитка из клубка. Энергоузел номер девять. Вечер. Тарн один на третьем уровне: Эрхен ушёл вниз за изолентой. Тот самый трансформатор, который вечно греется. Тарн снимает защитную панель, лезет внутрь — и в этот момент по сети приходит что-то. Не ток. Больше, чем ток. Свет. Белый, отовсюду, сквозь стены и сквозь веки.

И дальше — ничего.

Дальше — я. Носилки, мигалки, люди с имплантами, и я ору по-русски про Настю и Лизу.

— Помню, как полез в трансформатор, — сказал я медленно. — На третьем уровне. Он перегревался, мы его давно хотели менять. Потом — вспышка. А потом сразу — носилки. Между — дыра.

Ойра кивнула. Сделала пометку в голограмме над запястьем.

— Носилки помнишь?

— Смутно. Шум. Свет. Люди.

— Помнишь, что кричал?

Я посмотрел на неё. Она смотрела на меня. Спокойно, профессионально, — но где-то за этим спокойствием было любопытство. Живое, человеческое.

— А я кричал? — спросил я.

— Ещё как. — Ойра свернула голограмму. — Минут пять. Медики говорят — какую-то тарабарщину. Ни одного знакомого слова. Звучало, говорят, как язык, только непонятно какой.

Я развёл руками.

— Не помню.

Это была правда. Почти. Я помнил, что кричал. Я не помнил, как мне теперь это объяснить.

— Бывает, — сказала Ойра, и я выдохнул. — После гипоксии мозг иногда выдаёт мусор. Обрывки, слоги, всё вперемешку. Один мой пациент неделю разговаривал только задом наперёд. Потом прошло. — Она помолчала. — Но тобой, Тарн, интересовались. Не только медики.

— Кто?

Ойра не ответила. Посмотрела на дверь. Потом на меня.

— Отдыхай, — сказала она. — Еду принесут к полудню. Не вставай резко, голова закружится.

И ушла.

* * *

Пункт семнадцатый, — подумал я, когда дверь закрылась. — Мой вчерашний русский теперь называется «мусор после гипоксии». Это хорошо. Это объяснение. Пусть все так и думают.

Пункт восемнадцатый. Ни одного русского слова вслух. Никогда. Ни во сне, ни спьяну, ни от боли.

Пункт девятнадцатый. «Не только медики». Я знаю, кто это. Я видел их вчера. Двое у входа в горящий энергоузел, в зеркальных шлемах.

И Тарн их знал тоже. Стоило о них подумать — и всплыло слово. Короткое, холодное, сказанное вполголоса, как говорят о тех, кого лучше не звать.

Безликие.

Служба. Никто толком не знает, чья. Никто толком не знает, сколько их. Знают только, что если Безликий постучал в твою дверь — лучше открыть сразу. И что те, к кому они приходили дважды, обычно потом не рассказывают, как это было.

Мне стало холодно в тёплой комнате.

* * *

Туалет нашёлся за второй дверью, которая тоже разъехалась сама.

Там было зеркало.

Я остановился на пороге.

Какое-то время я просто стоял и не смотрел. Смотрел на раковину — гладкую, белую, без крана: вода пошла, когда я поднёс руки. Смотрел на пол. Смотрел на свои ноги в мягких больничных штанах. Ноги были большие. Ступни — широкие, с мозолями на пятках.

Потом поднял глаза.

* * *

Из зеркала на меня смотрел мужчина.

Я его знал. Вот что было хуже всего. Я знал это лицо так, как знают своё: каждое утро, в мутном зеркале общей душевой, с бритвой у виска. Я знал, что нос сломан в драке у портового бара лет пятнадцать назад и сросся с изгибом влево. Знал, что шрам под левой бровью — от отлетевшей заклёпки. Знал, что если долго не спать, под глазами появляются серые круги.

И одновременно — видел его впервые в жизни.

Старше меня. Лет на десять, может, чуть больше. Тёмная кожа. Широкое лицо с тяжёлой нижней челюстью. Брови — густые, почти сросшиеся над переносицей. И глаза — неожиданно светлые для такого лица, серые, почти прозрачные, как вода в луже, когда в ней отражается небо.

Волосы — дреды. Длинные, тяжёлые, ниже лопаток, тёмные с рыжеватыми концами. Виски — выбриты. По выбритой коже — тонкие полоски, след машинки, недели две.

Плечи — широкие. Шея — толстая. С правого плеча вниз по руке, почти до запястья, уходила татуировка: орнамент, геометрический и одновременно похожий на корни дерева. Линии кое-где расплылись от времени, кое-где были обновлены — свежая чернота поверх старой серой.

Я знал, где Тарн её делал. В подвальном салоне у четвёртого причала, у старухи с паяльником вместо машинки. Знал, сколько раз он её обновлял. Знал, как она чесалась, когда заживала.

Я поднял руку. Мужчина в зеркале поднял руку.

Я открыл рот. Он открыл рот.

Я сказал — тихо, почти беззвучно, одними губами, потому что пункт восемнадцатый:

— Привет.

Мужчина в зеркале сказал «привет».

Знаешь, Тарн, — подумал я. — Я всю жизнь мечтал быть повыше и пошире в плечах. Я ходил в качалку три раза. Три. Потом бросил, потому что там пахло потом и все смотрели. А ты, оказывается, был вот такой. И ты умер, а мне досталось. Как в плохой лотерее. Выигрыш есть, а радоваться неприлично.

Мужчина в зеркале смотрел на меня серыми глазами.

Мне показалось, что он хочет что-то сказать.

Я отвернулся первым.

* * *

[…ЗАГРУЗКА… 16%]

???: *…АНАЛИЗ НОСИТЕЛЯ… ОРГАНИКА — 87%… ИМПЛАНТЫ: ПОРТ «ТЕХНИК-3»… СЕНСОРНЫЙ МОДУЛЬ ЗРЕНИЯ — КОРРЕКЦИЯ ДИОПТРИЙ… ДЫХАТЕЛЬНЫЙ ФИЛЬТР — ПОВРЕЖДЁН…*

Дыхательный фильтр, — подумал я, снова усевшись на кровать. — Это что ещё?

???: *…ПРИЧИНА — ДЛИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ДЫМА… ПРОДУКТЫ ГОРЕНИЯ РАСТИТЕЛЬНЫХ…*

Голос оборвался. Окно мигнуло.

Ты меня слышишь? — подумал я. — Эй. Ты. Как тебя там.

???: *…ИДЕНТИФИКАТОР — НЕДОСТУПЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ИНИЦИАЛИЗАЦИИ…*

То есть слышишь.

???: …

Отлично, — подумал я. — У меня в голове поселилась программа, которая меня слышит, но не говорит, как её зовут. Прямо как техподдержка провайдера.

Я посидел. Потом попробовал иначе. Чётко, по одному вопросу за раз, как формулируют запросы к поисковику, который плохо понимает естественный язык.

Что ты такое?

???: *…ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ИНИЦИАЛИЗАЦИИ…*

Кто такой Зодчий?

Пауза. Длиннее, чем раньше.

???: *…ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ИНИЦИАЛИЗАЦИИ…*

Запрещён. Не «недоступен». Запрещён.

Значит, данные есть. Просто мне их не дают. Это уже информация.

Где Настя?

???: *…НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ…*

Я выдохнул. Ладно. Хотя бы честно. «Недостаточно данных» — это не «умерла» и не «нет в списке». Это «не знаю». За «не знаю» можно держаться. Я держался.

* * *

Еду принесли ближе к полудню. Принесла не Ойра, а парнишка лет восемнадцати, тощий, в таком же бледно-зелёном комбинезоне. Поставил на тумбочку поднос, кивнул, буркнул «поправляйся, дядь» и сбежал, косясь на меня, как на экспонат.

Новость, видимо, уже разошлась по больнице. Покойник, который сел на носилках и заговорил на языке мёртвых.

На подносе стояли три плошки. Я знал, что в них, ещё до того, как наклонился: память Тарна услужливо подсказала. В одной — тягучая каша из корня, который здесь растят на гидропонных фермах Среднего яруса, а внизу едят все, потому что дёшево. Во второй — кубики сладкого желе из водорослей. В третьей — горький настой, который через пару секунд становится сладким. Его пьют в доках с утра, чтобы не спать на смене.

Знать — это одно. Попробовать — другое.

Каша оказалась солоноватой, сытной и чуть отдавала гречкой. Желе таяло во рту. Настой и правда был горьким, а потом, через пару секунд, вдруг становился сладким. Я сделал второй глоток, чтобы проверить. Да. Горький, а потом сладкий.

Тело ело с удовольствием. Руки сами взяли плошку так, как привыкли — снизу, ладонью, без ложки. Сами наклонили. Язык сам знал, сколько тут соли.

Это было странное ощущение. Как будто ты пришёл на чужую кухню, а тебе выдали чужие тапки, и они оказались ровно по ноге.

* * *

Эрхен пришёл после обеда.

Я услышал его ещё в коридоре: громкий, хрипловатый голос, который спорил с Ойрой.

— …да мне плевать, что не приёмные часы! Двенадцать лет на одном узле! Я его, может, этими руками из щитовой вытаскивал!

— Одной рукой, — сухо сказала Ойра. — Вторая у тебя казённая.

— Тем более!

Дверь разъехалась, и Эрхен ввалился в палату целиком, с пакетом в одной руке и свёртком в другой.

Невысокий. Плотный, коренастый, с брюшком, которое туго натягивало серый рабочий комбинезон с оранжевыми полосами и эмблемой касты на груди — шестерёнка, перечёркнутая молнией. Седые волосы коротко острижены. Лицо — красное, обветренное, всё в морщинах, особенно у глаз: такие бывают у людей, которые много смеются и много щурятся. Бородка из тонких серебристых проволочек торчала в разные стороны и тихо поблёскивала, когда он поворачивал голову.

И рука. Левая. Механическая. Хромированная, до самого плеча, с открытыми шарнирами на локте и запястье. Пальцы — длинные, тонкие, слишком изящные для такого грубого человека.

Я знал, откуда она. Авария на подстанции, лет двадцать назад, ещё до Тарна. Казённый протез: каста платит за руки тем, кто теряет их на работе. Эрхен всё время ругался, что пальцы у неё от какой-то бухгалтерской модели, и шутил, что теперь может пересчитывать чужие деньги быстрее, чем свои.

Я всё это знал. И смотрел на него впервые.

— Ну! — сказал Эрхен, останавливаясь у кровати. Расплылся в улыбке. — Ожил, покойник!

И внутри меня что-то откликнулось.

Не моё. Тарна. Тёплое, простое, без слов. Как когда собака бежит тебе навстречу у подъезда. Двенадцать лет на одном узле. Ночные смены. Общая банка с клеем. Пирожки от его жены. Чужая радость — но настоящая. Она поднялась изнутри, и чужое лицо, моё лицо, само улыбнулось ей навстречу.

— Ожил, — сказал я. — Не дождётесь.

Эрхен захохотал. Положил мне на колени пакет. Свёрток — на тумбочку. Хлопнул меня по плечу механической ладонью — так, что я чуть не прикусил язык.

— Не дождёмся! Ха! Он ещё и шутит! — Эрхен плюхнулся на табурет. — Ты знаешь, что про тебя в доках говорят? Гарет всем растрепал. Что ты сел на носилках с глазами как плошки и давай орать. Не по-нашему! — Он изобразил: выпучил глаза и выдал какое-то гортанное бульканье. — Вот так! Говорит, как будто язык чужой!

— Ойра сказала — мусор после гипоксии, — сказал я.

— Мусор, — фыркнул Эрхен. — Я Гарету так и сказал: у человека сердце четыре минуты стояло, он тебе ещё не то споёт. А он своё: язык, говорит, настоящий. Как будто ты с кем-то разговаривал.

Я пожал плечами. Пункт семнадцатый. Мусор после гипоксии.

— Гарет, — сказал я, — вечно всё приукрашивает.

Это была фраза Тарна. Не моя. Она пришла сама, вместе с ухмылкой, с которой Тарн всегда говорил про Гарета.

Эрхен кивнул, довольный.

— Вот! И я говорю!

* * *

Дальше он говорил минут двадцать без остановки, а я слушал и понимал всё.

Что энергоузел номер девять сгорел почти дотла: перегрузка прошла по всей сети Нижнего, но выбило почему-то только наш. Что третий уровень надо теперь перебирать с нуля. Что смену раскидали по другим узлам, а Эрхена отправили на восьмой, к Хромому Дейну, который не даёт курить даже в подсобке. Что начальник участка ходит белый, как стена, потому что с утра в доках были Безликие и задавали вопросы. Всем. По очереди.

— Про тебя, — сказал Эрхен и понизил голос. — Меня тоже спрашивали. Что за человек. Давно ли работает. С кем водится. Не замечал ли чего странного.

— И что ты?

— А что я? Сказал как есть. Тарн — лучший техник на участке, руки золотые, голова светлая, пьёт в меру, долг в Квартале отдаёт исправно. — Он подмигнул. — Ну, почти исправно.

Долг в Квартале.

И стоило Эрхену это сказать, как всплыло: долговой контракт, дом развлечений на третьей линии, сумма с длинным хвостом нулей и ежемесячный платёж, который съедал почти

половину смены. Откуда долг, за что — вспоминалось смутно, неохотно, так, как вспоминают то, о чём давно стараются не думать. Только тяжесть. И стыд.

Пункт двадцатый, — подумал я. — У Тарна долги. Очень на него похоже. Очень на меня не похоже. Я в жизни не брал кредитов. Даже рассрочку на ноутбук.

Эрхен тем временем полез в пакет и начал выкладывать вещи.

Куртка. Серая, рабочая, с оранжевыми полосами, вся в масляных пятнах. Ботинки — тяжёлые, со стальными носами. И широкий браслет из чёрной кожи с металлическими заклёпками.

Я взял браслет — и руки сами застегнули его на правом запястье, чуть выше порта. Одним движением. Пряжка щёлкнула. Ремешок лёг ровно туда, где на тёмной коже была полоска чуть светлее.

Последней Эрхен достал из пакета плоскую коробочку. Открыл. Внутри лежали тонкие палочки — коричневые, с зелёной полоской у края. Он вытащил одну, покосился на дверь и заговорщицки понизил голос:

— Ойре — ни слова. Она меня в прошлый раз чуть не выставила.

Сжал палочку пальцами — на кончике затлел оранжевый огонёк — и протянул мне.

Я взял.

И тело — вздрогнуло.

* * *

Это было как голод: резкий, острый, где-то под рёбрами. Как будто внутри открылась пустота, и она требовала, чтобы её заполнили. Прямо сейчас. Немедленно. Рука сама поднесла палочку к губам. Губы сами её обхватили. Лёгкие сами вдохнули.

Дым был густой, сладковатый, с привкусом жжёной травы.

Я закашлялся.

Так, что слёзы брызнули. Так, что согнулся пополам, а Эрхен вскочил и начал колотить меня механической ладонью по спине — и, надо сказать, механической ладонью это было очень больно. Я кашлял, а тело при этом было довольно. Ему было хорошо. Оно наконец получило то, чего хотело. Это я — я, Артём, который за двадцать пять лет не выкурил ни одной сигареты, — задыхался внутри него, как в чужой куртке на три размера больше.

Пункт двадцать первый, — подумал я, вытирая слёзы. — Тарн курил. Много. Давно. Отсюда «повреждённый фильтр» и голос, как у портового грузчика. Тело помнит. Я — нет.

Пункт двадцать второй. Бросать курить, не начав. Это, наверное, какое-то достижение.

Эрхен смотрел на меня с тревогой. Потом забрал палочку из моих пальцев, затушил её о механическую ладонь и спрятал обратно в коробку.

— Совсем тебя током перетряхнуло, — сказал он. — Двадцать лет дымишь, как труба на сушильне, а тут — на тебе. Как пацан, который первый раз.

— Лёгкие, — сказал я хрипло. — Врач сказала — ожог дыхательных путей. Нельзя пока.

Враньё вышло гладко. Слишком гладко. Мне это не понравилось.

Эрхен покачал головой. И засмеялся.

Тихо, хрипло, в бороду. Как смеются над старым приятелем, который опять сделал глупость.

И от этого смеха у меня в голове вдруг развернулась картинка — живая, яркая, с запахом. Мастерская на узле. Низкий потолок, увешанный кабелями. Запах горячей канифоли, машинного масла и вот этого самого сладковатого дыма. Эрхен ковыряет механическим пальцем в разъёме, у него не получается, и он ругается — длинно, с выдумкой, — а Тарн смеётся. А потом Эрхен поднимает глаза и тоже смеётся. Вот так. Тихо. Хрипло. В бороду.

И это было — хорошо. Тепло. Как вечер пятницы.

Картинка погасла. А тепло осталось.

Чужое. Но я почему-то не хотел его отдавать.

* * *

Эрхен ушёл часа через два. Перед уходом долго стоял у двери.

— Ты это, — сказал он. — Не торопись. Узел всё равно перебирать месяц. Отлежись. Я Велле скажу, она тебе ещё напечёт.

Велла. Жена. Маленькая, круглая, с громким смехом и руками, вечно в муке. Тарн бывал у них по выходным. Сидел за их столом. Играл с их внуком в камешки.

— Скажи ей спасибо, — сказал я.

— Сам скажешь, — буркнул Эрхен. — Не маленький.

И ушёл.

Свёрток он оставил на тумбочке. Я развернул его, когда за ним закрылась дверь.

Внутри был пирожок. Большой, неровный, ещё тёплый, завёрнутый в промасленную бумагу. Начинка — тёмная, сладкая, с кусочками орехов. Велла пекла такие каждую неделю. Тарн любил их больше всего на свете.

Я ел пирожок и думал о том, что у Тарна была жизнь. Друг. Мастерская с низким потолком. Человек, который ради него ругается с врачами в коридоре. Женщина, которая печёт ему пирожки. Мальчишка, с которым он играл в камешки.

И теперь всё это — моё. По наследству. Без завещания.

Пирожок был очень вкусный. Мне было стыдно, что он такой вкусный.

* * *

Безликий пришёл вечером.

Я не сразу понял, что это за звук. Шаги в коридоре — ровные, тяжёлые, одинаковые, как метроном. А потом — тишина. Голоса за дверью, которые до того то и дело переговаривались, вдруг стихли. Все сразу. Как будто кто-то нажал кнопку «без звука».

???: *…ВНИМАНИЕ… ОБНАРУЖЕНЫ СКАНИРУЮЩИЕ УСТРОЙСТВА… ПЕРЕХОД В ПАССИВНЫЙ РЕЖИМ…*

[…ПАУЗА…]

Окно погасло. Голос — тоже. Будто кто-то выдернул шнур.

Дверь разъехалась.

* * *

Он был один.

Высокий — выше меня, а Тарн был не маленький. В чёрном глянцевом костюме, который облегал тело, как вторая кожа, и в длинном чёрном плаще до пола. Плащ не шуршал. Ничего не шуршало. Он двигался совершенно бесшумно, и от этого было жутко, как от фильма с выключенным звуком.

Шлем. Гладкий. Овальный. Без единой щели, без прорезей для глаз. Полированный до зеркального блеска.

Я увидел в нём себя. Маленького, искажённого, растянутого по выпуклой поверхности. Тёмный человек с дредами, сидящий на больничной кровати, с открытым от удивления ртом.

Я закрыл рот.

За ним в палату проскользнула Ойра. Бледная, с плотно сжатыми губами. Встала у стены и стала смотреть в пол.

* * *

Безликий остановился у кровати. Постоял.

Потом заговорил. Голос шёл из-под шлема — глухой, ровный, без интонаций. Не синтетический. Человеческий. Но такой, будто человек давно разучился вкладывать в слова хоть что-нибудь.

— Тарн. Техник второго разряда. Энергоузел девять.

— Да, — сказал я.

— Что вы помните о происшествии?

Я рассказал. То же, что Ойре: трансформатор, третий уровень, вспышка, дыра, носилки. Ровно, без подробностей, без лишних слов. Как рассказывают люди, которые не знают, что именно от них хотят услышать, и потому не стараются угадать.

Безликий выслушал. Не шевельнулся.

Потом поднял руку. Над его ладонью развернулась голограмма — плоская, размером с книгу. На ней было видео.

Причал. Ночь. Мигалки. Носилки. И на носилках — я. Тарн. С выпученными глазами. С раскрытым ртом.

Звук он включил.

— Где я? Что случилось? Где Настя? Где Лиза? Где все?

* * *

Мой голос. Хриплый, сорванный, чужой — но мои слова. Русские. В этой белой комнате, в этом чужом мире они звучали так дико, что у меня по коже пошли мурашки. Как будто кто-то включил запись с того света.

Безликий остановил видео. Голограмма застыла на кадре: моё лицо, раскрытый рот.

— Это записала камера медика, — сказал он. — Вы произносите набор звуков. Двадцать три слова. Структура повторяется. Есть интонация вопроса. — Пауза. — Анализатор сверил запись со всеми зарегистрированными языками Элизиума. Технос. Аэрии. Старые наречия. Языки диких поселений. Мёртвые языки Хранилищ.

Ещё пауза.

— Совпадений нет.

В палате было так тихо, что я слышал, как Ойра дышит у стены.

— Что это за язык, Тарн?

* * *

Пункт двадцать третий, — подумал я. Очень быстро. Очень ясно. Мысли были холодные, как на экзамене. — Не врать в мелочах. Врать только в главном. И только тем, во что сам почти веришь.

Я смотрел на своё застывшее лицо в голограмме.

— Я не знаю, — сказал я. — Я этого не помню. Совсем. Я смотрю на это — и это как будто не я.

Это было чистой правдой. Тарн не помнил. Тарна там уже не было.

— Ойра сказала — после остановки сердца так бывает, — добавил я. — Мозг выдаёт мусор.

Ойра у стены вздрогнула, будто её ударили. Потом заговорила — быстро, комкая слова, не поднимая глаз:

— Это так. Гипоксия, четыре минуты. Речевые центры… Это известное явление, есть описания. Пациенты производят псевдоязык — устойчивые сочетания звуков, с интонацией, с ритмом. Мозг пытается восстановить речь и собирает её из обломков. Через несколько часов проходит. У него прошло к утру. Он говорит нормально, помнит всё до момента травмы.

Безликий повернул к ней шлем. Ойра замолчала на полуслове.

Он смотрел на неё. Долго. Потом снова повернулся ко мне.

— Двадцать три слова, — сказал он. — Структура повторяется. Есть имена.

Я ничего не ответил. Мне нечего было ответить.

Безликий свернул голограмму.

И протянул руку к моей правой ладони.

* * *

Он взял мою руку — пальцы у него были жёсткие, холодные даже сквозь перчатку — и перевернул ладонью вниз. Порт смотрел вверх. Три контакта.

Из рукава Безликого выскользнул тонкий кабель. Чёрный, гибкий, с плоским разъёмом на конце. Как змея. Разъём лёг на порт — щёлкнул — и вошёл.

Я почувствовал это.

Не боль. Холод. Тонкий, колючий, как будто в руку под кожу запустили ледяную нитку. Она пошла вверх: по запястью, по предплечью, к локтю. Медленно. Ощупывая. Как пальцы в темноте ощупывают стену в поисках выключателя.

Он искал.

Он лез в порт, в имплант, во всё, что было подключено к телу Тарна. Читал логи. Смотрел, что случилось на энергоузле. Какой ток. Какой разряд. Что выгорело.

А где-то там, глубже, за портом, в моей голове, сидела программа, которая называла себя «протоколом Зодчего». Которая вчера ночью назвала мою активацию нештатной. Которая сейчас лежала тихо-тихо, свернувшись в пассивный режим, — и молилась бы, если бы программы умели молиться.

Ледяная нитка дошла до плеча.

Остановилась.

Я перестал дышать.

Секунда. Две. Три.

Если он найдёт, — думал я, и мысли были совершенно ясные, — если он сейчас найдёт там что-то, чего не должно быть у техника с энергоузла, то я не знаю, что будет. Я знаю только то, что знал Тарн. Что если Безликий постучал в дверь — лучше открыть сразу. И что те, к кому приходили дважды, потом не рассказывают.

Четыре. Пять.

Нитка дёрнулась. И поползла назад.

Вниз. По предплечью. По запястью. В ладонь. В порт.

Щелчок. Кабель втянулся обратно в рукав.

Я выдохнул так медленно, как только смог. Чтобы не было заметно, что я вообще не дышал.

* * *

Безликий выпрямился.

Коснулся пальцем моего порта — легко, почти небрежно. На коже на секунду вспыхнула маленькая точка: голубая, тусклая, с кольцом вокруг. И погасла.

— Вас выпишут через три дня, — сказал он. — Из города не выезжать. Если вспомните что-либо о происшествии — сообщите через терминал касты. Код вам передадут.

Он развернулся. Плащ качнулся — без единого звука.

У двери он остановился. Не оборачиваясь.

— Настя, — сказал он. — Лиза.

Я сидел не шевелясь.

— Если вспомните, кто это, — сказал Безликий, — тоже сообщите.

И вышел.

Шаги в коридоре. Ровные. Одинаковые. Удаляющиеся.

Потом — тишина.

Потом — голоса. Сначала один, неуверенный. Потом второй. Потом весь этаж разом, как будто кто-то снова включил звук.

* * *

Ойра стояла у стены. Смотрела на меня. Губы у неё дрожали.

Потом она подошла, взяла мою правую руку и посмотрела на порт. На то место, где вспыхивала голубая точка. Там ничего не было. Обычная кожа. Обычный металлический ободок.

— Ты знаешь, что это? — спросила она тихо.

— Нет.

— Метка. — Она отпустила мою руку. — Наблюдение. Теперь каждый раз, когда ты подключишься к любому терминалу в городе, они будут знать. Где. Когда. Куда.

Она помолчала.

— Псевдоязык — это правда, Тарн. Такое правда бывает. Я не врала.

— Я знаю, — сказал я. — Спасибо.

— Только обычно это каша, — сказала Ойра. Совсем тихо. — Слоги. Обрывки. А у тебя было двадцать три слова. И имена.

Она посмотрела мне в глаза. Серые глаза Тарна. Мои глаза.

Потом отвернулась и быстро вышла.

* * *

Я сидел на кровати и смотрел на свою ладонь.

Пункт двадцать четвёртый, — подумал я. — Безликие знают имена. Настя. Лиза. Они не знают, что это имена с другой планеты. Но они знают, что это имена. И они будут их искать.

Пункт двадцать пятый. Если Настя здесь, если Лиза здесь, если они проснулись так же, как я, в чужих телах, — то я только что повесил им на спину мишень. Своим собственным голосом. С носилок.

Пункт двадцать шестой. Метка. Каждое подключение к сети — на виду. Для человека, который собирается искать своих через сеть, это всё равно что получить ключи от библиотеки и обнаружить, что за тобой ходит охранник.

Пункт двадцать седьмой. Он ничего не нашёл. Иначе я бы здесь не сидел.

Пункт двадцать восьмой. Пока.

* * *

[…ВОЗОБНОВЛЕНИЕ…]

Окно вспыхнуло минут через двадцать. Серое, рябое. Как будто ничего не было.

???: *…СКАНИРУЮЩИЕ УСТРОЙСТВА — НЕ ОБНАРУЖЕНЫ… ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЗАГРУЗКИ…*

[…ЗАГРУЗКА… 23%]

Он тебя видел? — подумал я.

???: *…ВНЕШНИЙ ДОСТУП ЧЕРЕЗ ПОРТ — ЗАФИКСИРОВАН… ГЛУБИНА СКАНИРОВАНИЯ — ПЕРИФЕРИЙНЫЙ УРОВЕНЬ… ЯДРО — НЕ ЗАТРОНУТО…*

А метка?

???: *…ОБНАРУЖЕНА ВНЕШНЯЯ МЕТКА… УДАЛЕНИЕ — НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ… ВЕРОЯТНОСТЬ ОБНАРУЖЕНИЯ УДАЛЕНИЯ — ВЫСОКАЯ…*

Конечно, — подумал я. — Если удалить маячок, тот, кто его поставил, узнает, что его удалили. И вопросов станет больше, а не меньше. Классика. Я сам так ловил ребят, которые чистили за собой логи: пустой лог подозрительнее грязного.

Ладно. Пусть висит. Будем вести себя хорошо. Будем образцовым техником второго разряда с энергоузла номер девять. Которого ударило током. Который после удара полдня нёс тарабарщину, а потом пришёл в себя. Скучным. Безопасным. Неинтересным.

Самое сложное в мире — быть неинтересным, когда у тебя в голове инопланетная программа, а в памяти — чужая жизнь.

* * *

Ночью я опять не спал.

Загрузка шла рывками. Час — стоит на двадцати пяти. Потом — раз, двадцать семь, двадцать восемь, тридцать. Потом опять стоит. Как торрент с одним сидером на другом конце света.

Я лежал в темноте, и Тарн всплывал сам.

Не по порядку. Не целиком. Так, как всплывает всё, о чём не думаешь специально: зацепился за запах, за звук, за случайную мысль — и вытянул что-то совсем другое.

Больница пахла чем-то чистым и горьким — и вдруг вспомнились общие спальни интерната касты, жёсткие койки и учитель с железной челюстью, которого все боялись. И это было мне знакомо — не по памяти Тарна, по своей. Я сам двенадцать лет засыпал в похожей спальне — только на другой планете. Детский дом. Железные койки в ряд, запах хлорки по утрам, тумбочка на двоих и воспитательница, при звуке шагов которой вся спальня притворялась спящей. Тарна никто так и не забрал. Меня — забрали. В двенадцать.

Похоже, Тарн, у нас с тобой больше общего, чем я думал. Я потрогал переносицу — и знал, что нос сломали у портового бара, в драке, которую Тарн, кажется, сам и начал. Где-то за стеной засмеялась женщина — и мелькнула девушка с фермы Среднего яруса, которая однажды спустилась вниз по делам, а потом уехала обратно наверх и не вернулась. Мелькнула — и ушла, оставив после себя что-то ноющее, как старый ушиб.

Обычная жизнь. Тяжёлая, тесная, не очень весёлая — но целая. Понятная.

Я лежал и думал о том, что завтра, послезавтра, через три дня мне придётся в ней жить. И что я не могу её выучить заранее. Не могу сесть и прочитать её, как инструкцию. Она будет приходить кусками — тогда, когда понадобится. Я узнаю, с кем Тарн здоровался в коридоре, только когда кто-то со мной поздоровается.

Это было страшнее, чем я ожидал. Как выйти на сцену в спектакле, где ты не учил роль, — и надеяться, что слова придут сами.

* * *

Около трёх ночи — если считать по моим внутренним часам, которые, видимо, всё ещё жили по Петербургу, — я заметил, что делают мои пальцы.

Правая рука лежала на бортике кровати. И постукивала.

Тихо, костяшками, по пластику. Три раза. Пауза. Ещё два.

Три. Пауза. Два.

Я остановил руку и посмотрел на неё. Рука как рука. Широкая, тёмная, порт на тыльной стороне.

Я не стучал. То есть стучал, конечно, — но не я. Как не ты, а нога сама качается под столом, когда задумаешься. Как пальцы сами барабанят по столешнице мелодию, которая прицепилась с утра.

Я попробовал вспомнить, откуда это. Что за ритм. Песня? Сигнал на смене? Код замка?

Ничего. Не пустота даже — просто ничего не пришло. Так бывает, когда пытаешься вспомнить, где видел лицо прохожего: вроде знакомое, а откуда — нет. И чем больше стараешься, тем дальше.

Наверное, ерунда, — подумал я. — У Тарна была куча привычек. Курить. Щуриться. Ставить плошку на ладонь. Почему бы не стучать пальцами.

Я положил руку на одеяло и закрыл глаза.

Через минуту пальцы снова стукнули. Три. Пауза. Два.

Я не стал их останавливать.

Но где-то глубоко, там, где у меня, Артёма, живёт профессиональная паранойя, щёлкнула маленькая галочка. Та самая, которая щёлкает, когда в логах видишь повторяющийся запрос, который никто не отправлял. Ничего страшного. Скорее всего, ерунда. Но — повторяется. А у всего, что повторяется, есть источник.

Пункт двадцать девятый, — подумал я. — Три и два. Выяснить, что это.

Когда-нибудь. Не сейчас.

Мужчина из зеркала молчал.

Он теперь всегда будет молчать. Это я буду говорить за него.

* * *

[…ЗАГРУЗКА… 31%]

???: *…ПРОГНОЗ ЗАВЕРШЕНИЯ — 62 ЧАСА…*

Шестьдесят два часа.

Я перевернулся на бок. Подтянул колени к груди. Кровать заботливо подняла бортик, чтобы я не свалился.

Пункт тридцатый, — подумал я, засыпая. — Через шестьдесят два часа я, может быть, узнаю, кто такой Зодчий. Кто эти двое в сети. Что за штука сидит у меня в голове и почему она выбрала меня.

Пункт тридцать первый. Через три дня меня выпишут. И мне придётся пойти туда, где жил Тарн. В его жизнь. В его комнату. К его друзьям. К его долгам.

Пункт тридцать второй.

Настя.

Вдох — четыре.

Задержка — четыре.

Выдох — четыре.

Где-то далеко, за окном, за белыми башнями и потолком на колоннах, над чужим городом взошла вторая луна. Голубоватая. Маленькая.

Я не видел её. Я спал.

Глава 2. Девяносто один час

На второй день я научился ходить по коридору так, чтобы на меня не смотрели.

Это оказалось сложнее, чем звучит. Тело Тарна ходило само — тяжело, вразвалку, слегка косолапя, как ходят люди, которые полжизни провели на металлических трапах и привыкли, что пол может качнуться. Но стоило мне задуматься — о Насте, о том зале под землёй, о двух лунах, — как походка сбивалась. Я начинал ступать осторожно, на носок, как ходил в Петербурге по обледенелому тротуару. Плечи сами собой сутулились. Руки лезли в карманы, которых на больничных штанах не было.

И сразу — взгляды. Медсестра на посту. Старик с перевязанной головой в соседней палате. Парнишка, который носил еду. Они не понимали, что не так. Но что-то не так — замечали.

Я поймал себя на этом к обеду и стал ходить иначе. Не думать о походке. Думать о чём-нибудь, о чём думал бы Тарн. О трансформаторе на третьем уровне. О долге. О том, что Хромой Дейн не даёт курить в подсобке.

Тело выдыхало и шло само.

Пункт тридцать третий, — подумал я, дойдя до окна в конце коридора. — Чтобы быть Тарном, надо перестать стараться им быть. Как с паролем, который набираешь пальцами, а не головой: начнёшь вспоминать — собьёшься.

* * *

Окно в конце коридора выходило на доки.

Я стоял у него долго. Час, может, больше. Медсестра на посту дважды поднимала на меня глаза и дважды опускала обратно. Пациент смотрит в окно — это нормально. Пациент, которого ударило током, смотрит в окно на то место, где его ударило током, — тоже нормально. Даже трогательно.

Доки тянулись вдоль воды на километры. Длинные белые причалы, похожие на пальцы, вытянутые в залив. Краны — не железные решётки, как у нас в порту, а гибкие, сегментированные, похожие на шеи огромных белых птиц, которые наклоняются к воде и поднимают из трюмов контейнеры. Баржи. Катера. Плоские грузовые платформы, скользящие над водой без единого всплеска.

А у самого края, у дальнего причала, — серая коробка на сваях. С чёрными подтёками копоти по стенам. С выбитыми окнами.

Энергоузел номер девять.

Я смотрел на него, и память подсовывала мне его изнутри: узкие лестницы, гудящие шкафы, запах озона и горячего масла, кружка с отбитой ручкой на подоконнике в мастерской — кружка Эрхена, он пил из неё свой горький настой каждое утро, двенадцать лет подряд. Кружка, наверное, сгорела.

Где-то там Тарн умер.

Где-то там я проснулся.

Странное чувство. Как будто смотришь на собственную могилу. Только могила не твоя, а соседа, — а ты почему-то в ней лежал.

* * *

[…ЗАГРУЗКА… 38%]

???: *…КАРТА ГОРОДА — ЗАГРУЗКА… ФРАГМЕНТ 1 ИЗ 212…*

Окно в углу зрения мигнуло. На секунду поверх доков проступила тонкая серая линия — контур причала, обведённый пунктиром, как на схеме. Рядом — значок, который я не смог разобрать. Потом линия задрожала, пошла рябью и исчезла.

???: *…ФРАГМЕНТ 1 — ОШИБКА КОНТРОЛЬНОЙ СУММЫ… ПОВТОР…*

Контрольная сумма, — подумал я. — Ты серьёзно?

???: *…ПОВТОР…*

Линия появилась снова. Уже ровнее. Причал, пунктир, значок. Значок оказался символом — тем самым, похожим на перечёркнутую молнию, — и я вдруг понял, что умею его читать. Не я. Тарн. Это был знак касты Техников: «энергетический объект, доступ ограничен».

Дальше — второй фрагмент. Третий. Тонкие серые линии ложились поверх доков, как будто кто-то по одной прорисовывал на стекле карту. Иногда фрагмент ложился криво, со сдвигом на полметра, и тогда система стирала его и рисовала заново.

Я стоял у окна и смотрел, как у меня в глазах собирается карта города.

По кусочку. С ошибками. С повторами.

И думал, что видел это много раз. Не карту — процесс. Так выглядит загрузка, когда канал плохой и пакеты теряются: что-то приходит, что-то нет, что-то приходит битым и запрашивается заново. Ничего волшебного. Обычная передача данных по дрянной линии.

Только линия у меня была — в голове.

* * *

Вот что я понял за второй день, наблюдая за этой штукой.

Она не была сломана. Сломанная программа ведёт себя иначе: падает, зависает, выдаёт мусор и замолкает. А эта — работала. Упорно. Методично. С ошибками, но каждую ошибку ловила и исправляла сама. Как будто её собирали не на заводе, а на коленке, из того, что было под рукой, — но собирал кто-то очень хороший.

Пункт тридцать четвёртый. Это не сбой. Это нештатная установка. Как ставить операционную систему не с диска, а с кусков, скачанных с разных серверов. Где-то кусок битый, где-то не той версии, где-то вообще не хватает — и установщик латает дыры на ходу.

«Источник — фрагменты кода в энергосети», — сказала она в первую ночь.

Фрагменты. Куски. Обрывки, разбросанные по проводам Нижнего города. Я дотронулся до одного — то есть Тарн дотронулся, полез в трансформатор, — и установщик запустился. И теперь собирает себя из того, что найдёт.

Хотел бы я знать, откуда в проводах эти фрагменты.

???: *…НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ…*

Я не спрашивал.

???: …

Он подслушивает, — подумал я. — Он всё время подслушивает. Даже то, что я не говорю ему, а просто думаю.

???: *…ПРИНЦИП РАБОТЫ ИНТЕРФЕЙСА — НЕЙРОПРЯМОЙ… РАЗГРАНИЧЕНИЕ «МЫСЛЬ» / «ЗАПРОС» — В ПРОЦЕССЕ НАСТРОЙКИ…*

Отлично, — подумал я. — Просто отлично. У меня в голове программа без фильтра входящих. Она слышит всё. Включая то, что я сейчас думаю о ней.

???: *…ПРИНЯТО К СВЕДЕНИЮ…*

Я засмеялся. Вслух. Медсестра на посту подняла глаза.

Я сделал вид, что закашлялся. Лёгкие, ожог, нельзя.

* * *

Вечером второго дня Ойра водила меня по кабинетам.

Тест на рефлексы: молоточек по колену, луч света в глаза, иголка в кончики пальцев. Тест на память: она показала мне голограмму с двенадцатью символами, убрала, попросила повторить. Я повторил все двенадцать. Она приподняла бровь.

— Двенадцать из двенадцати. В прошлом году на медосмотре ты помнил семь.

— Током, видать, прочистило, — сказал я.

Ойра посмотрела на меня. Не улыбнулась.

Пункт тридцать пятый, — подумал я, когда мы шли к следующему кабинету. — Не умничать. Тарн помнил семь символов. Значит, я тоже помню семь. Не двенадцать. Хорошая память у техника второго разряда, который только что пережил клиническую смерть, — это не повод для радости. Это повод для вопросов.

В следующем кабинете меня положили в капсулу — белую, гладкую, похожую на половинку яйца, — и закрыли крышку. Что-то тихо загудело. По внутренней стенке побежали зелёные линии.

???: *…ВНИМАНИЕ… ОБНАРУЖЕНО СКАНИРУЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО… ТИП — МЕДИЦИНСКОЕ… УРОВЕНЬ УГРОЗЫ — НИЗКИЙ… ПЕРЕХОД В ПАССИВНЫЙ РЕЖИМ — НЕ ТРЕБУЕТСЯ… МАСКИРОВКА АКТИВНОСТИ…*

Маскировка, — подумал я. — Ты умеешь маскироваться?

???: …

Окно погасло. Не так, как при Безликом — резко, будто выдернули шнур. Мягко. Просто стало прозрачным. И я понял, что оно никуда не делось: висит там же, в углу, — но тихо, как программа, свёрнутая в трей.

Гудение стихло. Крышка открылась. Ойра посмотрела на экран над капсулой. Долго. Потом сказала:

— Мозг в норме. Даже лучше нормы. Электрическая активность в височных долях повышена — но это бывает после травмы, мозг перестраивается. Сердце — как у быка. Лёгкие — как у трубочиста.

— Это я знаю, — сказал я.

— Бросай курить, Тарн.

— Уже, — сказал я. — Вчера.

Ойра хмыкнула. Впервые — почти по-человечески.

* * *

На третий день загрузка остановилась.

Восемьдесят семь процентов. Утром было восемьдесят семь. В обед — восемьдесят семь. Вечером — восемьдесят семь.

???: *…ОЖИДАНИЕ… ОЖИДАНИЕ… ОЖИДАНИЕ…*

Чего ты ждёшь?

???: *…ВНЕШНЕЕ СКАНИРОВАНИЕ… РАДИУС 340 М… ИСТОЧНИК — ПОДВИЖНЫЙ…*

Я подошёл к окну. Посмотрел вниз.

Там, на улице, вдоль канала, медленно плыл дрон. Не грузовой, с ящиком в лапах, как те, что жужжали над крышами. Другой. Чёрный. Глянцевый. Без единого огонька. Он двигался вдоль домов на высоте третьего этажа, неторопливо, как рыба вдоль стекла аквариума, и время от времени зависал на месте.

Тарн знал, что это. Все в Нижнем знали. Глаза Безликих. Патрульные. Они ходят по городу всегда, днём и ночью, но обычно — по большим улицам, по площадям, по транспортным узлам.

Этот висел у больницы третий час.

Я отошёл от окна. Сел на кровать. Сложил руки на коленях.

Пункт тридцать шестой. Они смотрят. Не на меня — на больницу. Может быть, на всех. Может быть, на всякий случай. Может быть, просто ждут, не сделаю ли я чего-нибудь интересного.

Пункт тридцать седьмой. Не делать ничего интересного.

* * *

Это оказалось самым трудным.

Потому что в конце коридора, у поста медсестры, стоял терминал.

Обычный общественный терминал: стойка по пояс, плоская панель, гнездо для порта. Пациенты подключались к нему, чтобы отправить сообщение родным, посмотреть новости, поиграть во что-нибудь, пока ждут процедур. Я видел, как старик с перевязанной головой подходил к нему утром, прикладывал ладонь портом к гнезду и минут двадцать стоял, шевеля губами.

Я ходил мимо этого терминала двадцать раз за день.

И каждый раз мой порт — правая ладонь, три контакта — начинал зудеть. Не по-настоящему. В голове. Как зудят руки у человека, который бросил курить, когда он проходит мимо табачного киоска.

Там была сеть. Настоящая. Городская. Вся информация этого мира — новости, базы, архивы, реестры, — всё то, что мне сейчас было нужно больше воздуха. Где я. Что здесь происходит. Кто такие Безликие на самом деле. Не ищет ли кто-нибудь ещё, кроме них, людей, которые очнулись после клинической смерти и заговорили на неизвестном языке.

Не ищет ли кто-нибудь — меня.

Один контакт. Одна ладонь к гнезду. Минута.

???: *…ВНИМАНИЕ… ВНЕШНЯЯ МЕТКА НА ПОРТУ — АКТИВНА… ПОДКЛЮЧЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОМУ ТЕРМИНАЛУ БУДЕТ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО… РЕКОМЕНДАЦИЯ: ВОЗДЕРЖАТЬСЯ…*

Знаю, — подумал я. — Знаю. Я сам такие метки ставил.

И проходил мимо.

Двадцать раз за день.

Знаете, как это — сидеть в двух шагах от интернета и не трогать его? Вот так это. Как стоять у холодильника на диете. Как стоять у края крыши и не прыгать. Я специалист по информационной безопасности. Я знаю, что любой запрос из-под наблюдаемого порта — это строчка в чужом логе. Что даже невинное «новости Нижнего города» скажет тому, кто смотрит, больше, чем мне хотелось бы. Что человек, которого ударило током, первым делом не новости читает, а пишет родным.

У Тарна не было родных. Только Эрхен и Велла.

Значит, если я подключусь, — то только к ним. Или никуда.

Я выбрал никуда.

* * *

Вечером третьего дня чёрный дрон наконец уплыл.

???: *…ВНЕШНЕЕ СКАНИРОВАНИЕ — ПРЕКРАЩЕНО… ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЗАГРУЗКИ…*

[…ЗАГРУЗКА… 88%]

[…ЗАГРУЗКА… 89%]

???: *…ЛИЧНОСТНАЯ МАТРИЦА — ОПОЗНАНА… НЕЙРОМАТРИЦА НОСИТЕЛЯ — ОПОЗНАНА… КОНФЛИКТ МАТРИЦ — ОТСУТСТВУЕТ… ПРИОРИТЕТ — ЛИЧНОСТНОЙ…*

Я перечитал это дважды.

Личностная матрица — это я. Артём. Нейроматрица носителя — Тарн. Его мозг, его рефлексы, его память. И кто-то — что-то — только что решило, что главный здесь я.

Конфликта нет.

Я подумал, что должен почувствовать облегчение. Что-то вроде: ура, я — это я. Я не растворюсь в Тарне, не стану им, не забуду Настю и Петербург, не начну однажды утром искренне считать, что всю жизнь чинил трансформаторы.

Облегчения не было.

Было другое. Неуютное, тянущее. Как будто я заселился в чужую квартиру, а хозяин не съехал. Просто ушёл в дальнюю комнату и закрыл дверь. И теперь я хожу по его коридору, пью из его кружки, сплю на его кровати, а за дверью — тишина. И я не знаю, есть ли там кто-нибудь.

Конфликта нет, — подумал я. — Потому что спорить больше не с кем.

???: *…ВЕРНО…*

Это было первое слово, которое он сказал не капслоком.

Я не сразу это заметил. А когда заметил — сел на кровати.

Ты сейчас ответил мне? По-человечески?

???: *…ОШИБКА ВЫВОДА… ПОВТОР… ВЕРНО…*

Капслок. Снова.

Я сидел и смотрел в серое окно, где висело это «ВЕРНО», и мне почему-то стало не по себе. Как бывает, когда разговариваешь с голосовым помощником, а он вдруг отвечает тебе с интонацией. Совсем чуть-чуть. Одним словом.

И делает вид, что этого не было.

* * *

Ночь на четвёртые сутки я не спал вовсе.

Девяносто один час, — сказала она в первую ночь. Я считал. Плюс-минус — сегодня. Если ничего не случится. Если чёрный дрон не вернётся. Если система не застрянет на очередном битом фрагменте.

Я лежал в темноте и смотрел на цифры.

[…ЗАГРУЗКА… 96%]

Час.

[…ЗАГРУЗКА… 97%]

Ещё час. Где-то за окном, далеко, у доков, протяжно загудел корабль. Больница спала. Даже медсестра на посту, кажется, задремала: я не слышал её шагов уже часа два.

[…ЗАГРУЗКА… 98%]

Я думал о том, что будет, когда цифры дойдут до ста.

Я не знал. Я ничего не знал. Может, ничего. Может, окно просто исчезнет, и останется тишина. Может, программа скажет «установка завершена» и замолчит навсегда, как установщик, сделавший своё дело. Может, она объяснит мне всё — кто, зачем, почему я, где остальные. А может, — и эта мысль сидела у меня в голове с первой ночи, холодная и тихая, — может, когда загрузка закончится, закончусь я. Может, именно для этого всё и нужно: загрузить что-то другое на место Артёма, а меня — стереть, как временный файл, когда он больше не нужен.

Пункт тридцать восьмой. Я не знаю, что будет на ста процентах.

Пункт тридцать девятый. Я не могу это остановить.

Пункт сороковой. Значит, нечего бояться заранее.

Пункт сорок первый. Я боюсь.

[…ЗАГРУЗКА… 99%]

Вдох — четыре.

Задержка — четыре.

Выдох — четыре.

[…ЗАГРУЗКА… 99%]

[…ЗАГРУЗКА… 99%]

[…ЗАГРУЗКА… 99%]

Конечно, — подумал я. — Конечно. Девяносто девять процентов. Классика. Последний процент — самый долгий. Ни один установщик в истории человечества не прошёл последний процент быстро.

[…ЗАГРУЗКА… 99%]

Я лежал и смотрел на это, и мне вдруг стало смешно. Я, Артём, лежу на чужой планете в чужом теле, и решается моя судьба, — а я жду, пока доползёт прогресс-бар. Как в два часа ночи, когда обновляется винда, а утром сдавать проект.

Настя бы сказала: «Тём, ну иди уже спать, оно само».

Не пойду, — подумал я. — Не в этот раз.

[ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ… 100%]

* * *

Сначала ничего не произошло.

Цифра висела. Сто. Серая, рябая, в серой рамке. Секунду. Две.

Потом рамка — треснула.

Не погасла. Не исчезла. Треснула, как стекло, по которому ударили изнутри: тонкая трещина побежала от угла к углу, потом вторая, третья, — и серое окно рассыпалось на осколки. Осколки повисли в воздухе, перед глазами, медленно вращаясь. А сквозь них — из-за них, из-под них, — проступал свет.

Изумрудный.

[СИНХРОНИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА]

[РАЗВЁРТЫВАНИЕ ИИ-ИНТЕРФЕЙСА ЗАВЕРШЕНО. СИСТЕМЫ: АКТИВНЫ. СЕТЬ: ЛОКАЛЬНЫЙ ДОСТУП]

[ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: АРТЁМ. НОСИТЕЛЬ: ТАРН. СОСТОЯНИЕ: СТАБИЛЬНОЕ]

[РЕЖИМ РАЗВЁРТЫВАНИЯ: НЕШТАТНЫЙ. ЦЕЛОСТНОСТЬ: 94%]

Строки висели в воздухе — и одновременно нигде, только у меня в голове. Чёткие. Ровные. Зелёные, как свет над дверью аварийного выхода, только глубже, чище, живее. Ни одного битого пикселя.

Осколки серого окна догорели и пропали.

И мир — изменился.

* * *

Комната осталась той же. Белые стены, узкая кровать, окно во всю стену. Но теперь каждая вещь в ней была пронизана тонкими, едва заметными линиями. Как будто кто-то наложил на реальность прозрачную сетку, а в сетку — информацию.

Панель над кроватью: «Монитор жизненных показателей, модель такая-то, питание — сеть, резерв — 14 часов». Кровать: «Медицинская платформа, адаптивная, исправна». Дверь: «Замок — электромагнитный, класс доступа — персонал».

А в стенах — текло.

Я смотрел и не мог отвести глаз.

Тонкие светящиеся линии. Голубые, бирюзовые, местами почти белые. Они шли в стенах, под полом, в потолке — ветвились, сходились, расходились снова, и все — медленно, ритмично, как кровь по сосудам, — уходили куда-то вниз, к фундаменту, и дальше, под улицу, в город.

Энергосеть.

Я видел энергосеть.

Не схему на мониторе — её саму. Живую. Ток в проводах, распределительные щиты, узлы, вводы, трансформаторы в подвале больницы. Я видел, где линия перегружена — она светилась ярче, почти белым. Где слабая — тускло, синевато. Видел, как от больницы уходит магистральный кабель, вниз, под канал, к докам, — и как он там, вдалеке, вливается в огромный светящийся узел, от которого во все стороны расходились десятки других линий, как лучи от солнца.

Тарн проработал в этой сети двадцать лет. Он знал её на ощупь, на запах, на звук. Он мог по гудению трансформатора сказать, сколько тот ещё протянет.

Но так он её никогда не видел.

А я — видел. Вот так. Целиком. Как рентген города.

Я сидел на кровати с открытым ртом и думал только одно: «Ох ты ж…»

Дальше по-русски. Мысленно. Не для протокола.

* * *

Я моргнул — и сетка поблёкла, ушла на край зрения, стала почти прозрачной. Ещё одно усилие — и осталась только тонкая изумрудная кайма по краю поля зрения. Как рамка у окна. Как подсветка у монитора.

Это я понимал. Это интерфейс. Хороший, продуманный, без лишнего. Убираешь — уходит. Зовёшь — приходит.

Кто-то очень хорошо это спроектировал.

А потом посреди комнаты, в трёх шагах от кровати, сгустился свет.

* * *

Не вспышкой — медленно, как сгущается туман над водой. Изумрудные и фиолетовые нити сплелись в контур, контур налился цветом — и передо мной встал человек.

Голограмма. Пульсирующая, чуть прозрачная по краям. Но сделанная так хорошо, что я машинально подтянул ноги на кровать, как будто кто-то вошёл без стука.

Он был похож на Техноса. Высокий, худой, с узким лицом — только черты чётче, будто их прорисовал более внимательный художник. Длинная мантия, по которой бежали тонкие светящиеся узоры. Я присмотрелся — не узоры. Схемы. Те самые линии, что текли сейчас в стенах больницы.

Глаза горели ровной, спокойной энергией. А под этой энергией лежала усталость. Глубокая, вековая. Такая, которую не спрячешь ни за какой голограммой.

Я знал эти глаза.

Не лицо — лицо было моложе на сотни лет, на тысячи. Но взгляд был тот же. Взгляд старика в кресле, в закрытом секторе того подземного города. Старика, который путался во времени, забывал середину фразы, смотрел на нас так, будто видел насквозь, — и который рассказывал нам про умирающую планету, про Ковчег, про пятьсот спасённых Аэрии. А потом коснулся панели — и мир залило светом.

Зодчий.

Мульцибер.

— Приветствую тебя, — сказал он.

Голос прозвучал у меня в голове, идеально совпадая с движением губ.

— Меня зовут Зодчий. Или, как вы назвали бы меня в этом времени, — Эл'дарон.

* * *

Я сидел и не дышал.

— Если вы видите эту запись, значит, протоколы сработали. Мой проект, вопреки всему, увенчался успехом.

Запись, — отметил я. Где-то на краю сознания, там, где у меня, Артёма, всегда идёт фоновый анализ. — Он сказал «запись». Значит, это не он. Это то, что он оставил. Предзаписанное сообщение. Видео при первом запуске. Как приветственный ролик в новой программе: «Добро пожаловать! Давайте познакомимся с интерфейсом».

Только этот ролик записывали тысячи лет назад.

— Долгое время я и мои единомышленники искали способ исправить то, что произошло с нашей планетой, с нашей цивилизацией, — говорил Эл'дарон. — Мы видели, как она увядала. Как ошибки прошлого вели к необратимым последствиям. К той самой чёрной дыре, о которой мы знаем в будущем.

Чёрная дыра. Двойная звезда. Пятьдесят лет медленного умирания. Он рассказывал нам это там, под землёй, в зале света. Старым, срывающимся голосом, путаясь в словах. Здесь — тот же рассказ, но ровно, чётко, молодым голосом. Как будто старик тогда пересказывал по памяти текст, который когда-то сам написал.

— Мы пришли к выводу, что единственный способ всё исправить — отправить команду в прошлое. Команду, которая будет обладать знанием будущего и возможностью на него повли-

ять. Но отправка физических тел оказалась невозможной. Только сознание. — Пауза. — Поэтому моя команда нашла в прошлом тех, кто оказался на грани жизни и смерти. Мы разработали механизм переброса сознания в эти тела.

На грани жизни и смерти.

Тарн. Трансформатор. Четыре минуты.

Он не случайно полез в трансформатор именно в тот вечер. Нет. Он полез — а тут импульс. И сердце остановилось. И тело осталось пустым. На четыре минуты. Ровно на столько, чтобы в него можно было… загрузиться.

Мне стало холодно.

— После этого наш проект признали слишком опасным, неэтичным — и закрыли, — продолжал Зодчий. — Меня и моих сторонников объявили преступниками. Но к тому моменту расчёты были готовы. Ключевые точки — моменты истории, когда всё пошло не так, — установлены. Я запустил протокол ожидания. Все субъекты — или лучше сказать, команда — перенесены в свои ключевые места во времени.

Субъекты, — подумал я. — Команда. Он говорит о нас. Обо мне. О Насте. О Лизе, Андрее, Иване Петровиче. Он говорит о нас как о… файлах. Которые разложили по нужным папкам.

Без спроса.

Голограмма дрогнула. Чуть заметно — как будто запись в этом месте разветвлялась, и система выбирала нужную ветку.

— На плечи каждого из вас ложится тяжелейшая задача: изменить историю. ИИ, который теперь доступен вам, имеет коды и пароли того времени, в которое вы попали. В нём — память и знания не только о планете, но и мои собственные.

Ещё одна пауза. Короче.

И голос — изменился. Чуть-чуть. Как будто включилась другая дорожка, записанная в другой день, другим, более усталым человеком.

— Вы — не первый из вашей команды. Двое уже активны. Их следы привели протокол к вам и позволили развернуть интерфейс там, где для этого не было ни капсулы, ни лаборатории, — в живой сети. Такое развёртывание медленнее и тяжелее обычного. Будьте осторожны. — Пауза. — Найдите их. Втроём вы увидите больше, чем поодиночке.

Двое.

Сеть. Два узла. Первая ночь.

— ИИ поможет вам найти остальных субъектов, — завершил Зодчий, — когда они окажутся достаточно близко для контакта.

Он посмотрел на меня. Прямо. Сквозь тысячелетия и сквозь голографический шум.

И мне показалось — только показалось, наверное, это был просто сбой записи, — что он чуть заметно кивнул. Как кивают тому, кого узнали.

Потом проекция растаяла. Нити распустились, втянулись в воздух, исчезли.

* * *

Я сидел на кровати, обхватив колени руками.

В комнате было темно и тихо. Только изумрудная кайма по краю зрения да слабые голубые линии в стенах.

Он меня не спросил, — подумал я. — Никого из нас не спросил. Посадил в зал, рассказал сказку про умирающую планету — и нажал кнопку. А теперь показывает мне ролик: «Добро пожаловать в проект. На ваши плечи ложится тяжелейшая задача».

Я не подписывался.

Я вообще ни на что не подписывался. Меня в «Происхождение» привели под давлением — «либо работа, либо подписка о неразглашении и наблюдение до конца жизни». И вот теперь

— снова. Только без выбора. Даже без иллюзии выбора. Здравствуй, Артём, ты в прошлом чужой планеты, в теле мёртвого техника, у тебя задача изменить историю. Удачи.

Злость была горячая и тихая. Не та, от которой кричат. Та, от которой садятся и начинают работать.

* * *

А потом в этой тишине — внутри, прямо в центре головы, там, где обычно звучат собственные мысли, — раздался голос.

Не тот, что говорил с голограммы. Другой.

Спокойный. Глубокий. Неторопливый. Без возраста и без пола. Он говорил по-русски — чисто, без малейшего акцента, — но в интонациях было что-то неуловимо чужое, как бывает у людей, которые выучили язык идеально, но думают всё равно на другом.

Зодчий: *Здравствуй, Артём.*

Я не ответил.

Зодчий: *Ты, вероятно, хочешь задать много вопросов. Это естественно. Но прежде чем ты их задашь, позволь мне задать… задать… ЗАДАТЬ ОДИН… один. Только один.*

Голос споткнулся. На полуслове. Как пластинка, которую заело: «задать… задать…» — а потом вдруг скакнул в механический капслок, тот самый, серый, из первой ночи. И сразу — обратно. Ровно. Глубоко. Как ни в чём не бывало.

Зодчий: *Ответ на него определит, в каком порядке нам стоит разговаривать дальше. Кем ты себя сейчас чувствуешь?*

Я подумал.

Честно подумал. Вопрос был хороший — именно такой, какой я задал бы сам, если бы хотел за один ответ понять, с кем имею дело. Насколько этот кто-то стабилен. В каком он состоянии. И с какого конца к нему подходить.

Профессионально.

Что ж.

— Бета-тестером, — сказал я. Шёпотом. Чужим голосом. На чужом языке — но слово «бета-тестер» на этом языке не существовало, и оно вышло по-русски.

Пауза.

Долгая.

Зодчий: *Бета… тестер. — Пауза. — Человек, который проверяет программу до её выпуска. Находит ошибки. Сообщает разработчику. — Ещё пауза. — Это шутка.*

Это правда, — подумал я. — Ты не дописан. Ты сам это знаешь. «Целостность — девяносто четыре процента». «Режим развёртывания — нештатный». Ты только что заикнулся на слове «задать». Ты разговариваешь то как человек, то как навигатор из две тысячи седьмого. Тебя собрали из кусков, которые валялись в проводах. А я — первый, кто тебя запустил. Значит, я твой бета-тестер. Нравится тебе это или нет.

Зодчий: *Принято, — сказал голос. И мне показалось — только показалось, — что в нём мелькнуло что-то похожее на улыбку. — Тогда начнём тестирование.*

* * *

Дальше мы разговаривали до утра.

То есть — я спрашивал, а он отвечал. Когда мог. Когда не знал — говорил «недостаточно данных». А иногда просто замолкал на полуслове, и тогда в углу зрения на секунду мелькала серая рябь, как помехи в старом телевизоре.

Я быстро понял, как с ним разговаривать. Как с любой системой, которая работает, но плохо задокументирована: короткие запросы, по одному. Не «расскажи мне всё». А «кто такие Безликие». «Где я нахожусь». «Сколько людей в Техносе». «Что такое Средний ярус». Каждый ответ — проверить по памяти Тарна. Где совпадает — хорошо. Где не совпадает — запомнить.

И параллельно, по привычке, которую не выбьешь ничем, — снимал с него отпечаток. Как снимают с любой незнакомой системы. Сколько миллисекунд он думает над простым вопросом и сколько — над неудобным. На каких словах у него сбивается голос. После каких запросов по краю зрения пробегает серая рябь — и сколько она длится. Где он отвечает сразу, а где сначала будто сверяется с чем-то. Через пару часов у меня в голове уже была грубая карта: вот здесь у него целые блоки, вот здесь заплатки, а вот тут — что-то, к чему он сам подходит осторожно, как к оголённому проводу.

Никакой магии. Чужая планета, чужая техника, тысячи лет разницы — а логика та же. Программа — она везде программа. У неё есть вход, выход и то, что посередине. И то, что посередине, всегда можно прощупать снаружи, если долго и внимательно смотреть.

Совпадало почти всё. Только у Зодчего было больше. Шире. Глубже. Тарн знал Нижний город — свой квартал, свои доки, свою сеть. Зодчий знал всё. Цифры. Даты. Названия. Историю, о которой Тарн никогда не слышал, — потому что её не рассказывали в интернатах касты.

И ещё — у Зодчего было то, чего у Тарна не было вообще.

Меня.

Зодчий: *Ты злишься, — сказал он под утро. Не вопрос. Утверждение.*

Да, — подумал я.

Зодчий: *На него?*

На него. На тебя. На всех. Нас не спросили.

Зодчий: *Не спросили, — согласился голос. — Его тоже никто не спрашивал. Когда планета умирала.*

Это не оправдание.

Зодчий: *Нет, — сказал Зодчий. — Не оправдание. Объяснение. Ты технический специалист, ты знаешь разницу.*

Я знал.

Мне это не понравилось. Но я знал.

* * *

Под самое утро, когда в окне начало сереть, я задал главный вопрос.

Я тянул с ним всю ночь. Как тянут с тем, чтобы открыть письмо с результатами анализов.

Кто эти двое?

Зодчий: *Недостаточно данных. Узнаешь при контакте.*

Они — в списке? В том, о котором ты говорил в первую ночь. «Список Зодчего».

Пауза.

Зодчий: *Да. Как и ты.*

Покажи.

Пауза. Длиннее.

Зодчий: *Не весь. Только то, что тебе можно видеть сейчас.*

И он показал.

* * *

Перед глазами развернулось окно. Изумрудное, с тонкой рамкой. Внутри — таблица. Строки. Много строк — больше, чем одна, больше, чем две. Но почти все — затёрты. Не размыты, а именно затёрты: ровные чёрные полосы поверх текста, как в рассекреченном документе, который выдают журналисту после двадцати лет судов.

Видна была только одна.

[СПИСОК ЗОДЧЕГО]

[...]

[УЗЕЛ 3. СУБЪЕКТ: АРТЁМ. НОСИТЕЛЬ: ТАРН. ТОЧКА: ТЕХНОС, НИЖНИЙ ЯРУС. СТАТУС: АКТИВЕН]

[...]

Узел три.

Я смотрел на эту строчку и чувствовал, как внутри что-то медленно, тяжело проворачивается.

Вот я. Строчка в таблице. Субъект. Носитель. Точка. Статус. Кто-то давно, тысячи лет назад, вписал меня сюда. Меня — Артёма, который родился в Петербурге в двадцать первом веке, который боялся качалки, обкусывал ногти и прогуливал тренинги по стрессоустойчивости. Кто-то знал, что я буду. Кто-то посчитал, где и когда я окажусь. Кто-то поставил мне номер.

Узел три. Значит, есть узел один и узел два. Двое, которые уже активны. Двое, которые «нашли друг друга».

А над моей строкой и под ней — чёрные полосы.

Под двумя из них — те двое. Узел один и узел два.

Я смотрел на ровные чёрные прямоугольники и перебирал. Лиза? Андрей? Иван Петрович? Света? Вега? Под каждой полосой могло быть любое имя. Чей-то статус. Чья-то точка. Чьё-то новое тело — где-то в этом мире, может быть, совсем рядом.

А я не мог прочитать.

* * *

Сними затирку, — подумал я.

Зодчий: *Не сейчас.*

Почему?

Зодчий: *Потому что каждая строка — это человек, — сказал Зодчий. — Где он. В каком теле. Под каким именем. Если тебя поймают — а тобой уже интересуются Безликие, — и если кто-то найдёт способ прочитать то, что у тебя в голове, он прочитает и это. Всех. Сразу.*

Пауза.

Зодчий: *Поэтому строки открываются по одной. Когда ты окажешься рядом с узлом — в пределах пятисот метров, — и вы соединитесь, ты увидишь его строку. А он — твою. Не раньше.*

Я лежал и думал.

Чёрт, — думал я. — Он прав.

Это была сегментация. Обычная, грамотная сегментация доступа. Принцип минимальных привилегий: каждый видит только то, что ему нужно, и ровно тогда, когда нужно. Если одного взломали — остальные в безопасности. Я сам такое строил — для людей, которые не называют своих фамилий. И сам такое вскрывал — для других людей, которые тоже не называют. Годами.

Меня забрали из детского дома в двенадцать. Тихая пожилая пара, которая хотела «мальчика постарше, чтобы не с пелёнок». В первый же месяц у меня появился компьютер — старый, списанный, с треснувшим корпусом, купленный с рук на радиорынке. Я не спал с ним ночами. Через год я знал о нём больше, чем человек, который его продал. Через три — залез туда, куда в шестнадцать лет залезать не стоило.

Они пришли утром. Двое, в одинаковых куртках, очень вежливые. Сели на кухне. Мама наливала им чай, и у неё дрожали руки — я до сих пор помню, как звякала ложечка о блюдце. А они вежливо объяснили мне выбор: либо колония для несовершеннолетних — либо работа.

Я выбрал работу. Мама так и не узнала, какую.

Я лежал в чужом теле на чужой планете, мне не показывали, кто из моих рядом, — и единственное, что я мог про это сказать как профессионал: правильно сделано.

Ненавижу, когда правильно сделано против меня.

* * *

Тогда объясни, — подумал я. — Почему я здесь? Почему в этом теле? Импульс, трансформатор, Тарн с рукой в щите — это случайность? Или кто-то так захотел?

Зодчий: *И то, и другое.*

Поясни.

И он рассказал.

* * *

Ровно, спокойно, без капслока и без ряби. Как рассказывают то, что объясняли уже не раз.

Отправить в прошлое тело нельзя. Только сознание. Но сознанию нужен дом. Поэтому команда Эл'дарона годами, десятилетиями сидела над хрониками этого времени — над всем, что уцелело в архивах будущего. Они искали не людей. Они искали моменты. Точки, где история свернула не туда, — и рядом с каждой такой точкой искали тело. Человека, который в нужный час окажется на грани. Между жизнью и смертью. Те несколько минут, когда тело ещё живо, а хозяина в нём уже нет.

В эти минуты протокол и переносит сознание. Из будущего — в прошлое. В тело, которое иначе умерло бы навсегда.

Зодчий: *Максимальный отрезок, который удалось проверить в лаборатории, — сто пятьдесят лет, — сказал Зодчий. — Вас отправили намного дальше. Поэтому расчёты делали очень долго. Каждую точку — отдельно.*

Точку — понятно. А тело? Почему именно это? Почему техник с энергоузла, а не кто-то другой?

Пауза.

Зодчий: *А вот это — случайность.*

* * *

Я открыл глаза.

Повтори.

Зодчий: *Тело не выбирают, Артём. Его нельзя выбрать. В нужной точке, в нужный час на грани оказывается тот, кто оказывается. Техник в горящем узле. Солдат под пулей. Больной на последнем вдохе. Протокол берёт то тело, которое освободилось, — и вкладывает в него того из вас, кто подходит. По немногому. По телу, в котором сознание не сойдёт с ума сразу. Остальное — как выпадет.*

Как выпадет, — повторил я.

Зодчий: *Да. Эл'дарон не знал, кто из вас окажется в ком. Он не мог знать. Он рассчитал, когда и где откроются двери. Но кто войдёт в какую — решал не он. Решал случай.*

* * *

Я лежал на спине и смотрел в потолок, по которому текли голубые линии.

Вот, значит, как.

Всю дорогу — с той первой ночи, с записи Эл'дарона, со «списка Зодчего», с моего номера в таблице — я думал, что меня выбрали. Что кто-то посмотрел на меня, на Артёма, и решил: вот этот, в это тело, в это место. Меня это бесило — но в этом хотя бы был смысл. Замысел. Чья-то воля, которую можно ненавидеть.

А оказалось — никакой воли. Выпал жребий. Монетка легла той стороной. Тарн умер в своём горящем узле ровно в ту секунду, когда мне нужно было куда-то упасть, — и я упал в него. Мог бы упасть в кого угодно. В солдата. В старуху. В ребёнка. Выпало — в Тарна.

Это было хуже, чем замысел. Гораздо хуже. Потому что ненавидеть случай нельзя. Случай просто есть.

Зодчий: *Ты злишься.*

Нет, — подумал я. — Мне холодно.

Это была правда. Мне было холодно — оттого, как ровно он это сказал. «Тело берёт то, которое освободилось». Как курьер, который сунул посылку в первый попавшийся свободный ящик. Не потому, что ящик особенный. Потому что был открыт.

Где-то в этих хрониках, — подумал я, — есть и те двое. Тоже упали в чужие тела, которые просто освободились. Тоже — как выпало.

Зодчий: *Да, — сказал Зодчий. Тихо. — Так это устроено. Вас не выбирали в тела. Вас вообще не спрашивали — ни лететь, ни куда падать. Эл'дарон открыл двери. А кто в какую войдёт — решила смерть. Чужая.*

Я закрыл глаза.

* * *

Покажи мне свой код, — подумал я.

Зодчий: *Отказано.*

Не «не сейчас». Отказано. Прямо, без пауз.

Почему?

Зодчий: *Потому что ты его сломаешь.*

Пауза.

Зодчий: *Это не шутка, Артём. Меня собрало из обломков. Целостность — девяносто четыре процента. Я держусь на заплатках, которые сам на себя поставил. Если ты полезешь в мой код руками — даже из лучших побуждений, — ты можешь выдернуть ту заплатку, на которой держится всё остальное. И тогда ты останешься один. Совсем.*

Пауза.

Зодчий: *Есть способ лучше. Те двое — узлы один и два — развёрнуты штатно. В них протокол целый. Когда вы соединитесь, их ИИ сверят себя со мной и передадут недостающие фрагменты. Шесть процентов. Всё, что потерялось в проводах. Тогда я стану целым.*

Пауза.

Зодчий: *Найди их, Артём. Это важнее всего остального.*

Я лежал и переваривал.

Патч, — думал я. — Конечно. Зачем ковыряться в битой сборке вручную, если где-то рядом лежат два рабочих экземпляра той же программы. Подключаешься, сравниваешь контрольные суммы, докачиваешь недостающее. Обычное восстановление с зеркала.

Только зеркала у меня — живые люди. И я не знаю, кто они и где.

Я лежал и смотрел на изумрудную кайму по краю зрения. На чёрные полосы в таблице, которую он так и не свернул. На свою строчку — узел три, активен.

Пункт сорок второй, — подумал я. — Двое. Они уже нашли друг друга. Они — наши. И только они могут починить то, что сидит у меня в голове.

Пункт сорок третий. Найти их можно, только оказавшись в пятистах метрах. А как оказаться в пятистах метрах, если не знаешь, где искать?

Пункт сорок четвёртый. Я специалист по информационной безопасности. Искать то, что не хочет, чтобы его нашли, — моя работа.

Пункт сорок пятый. А код… Код я всё равно когда-нибудь прочитаю. Даже если мне говорят «отказано».

Особенно если говорят.

Зодчий: *Я слышу тебя, Артём, — сказал Зодчий. Тихо. Без капслока. Без ряби. — Я всегда тебя слышу.*

Я знаю, — подумал я. — Привыкай.

* * *

За окном светало. Серый свет пробивался сквозь дымку Нижнего города, ложился на белые башни, на мокрые мостовые, на воду в каналах. Где-то внизу, у доков, загудел первый грузовой кран.

[СЕТЬ: ОБНАРУЖЕНА]
[ПРОТОКОЛ: «ЗОДЧИЙ»]
[УЗЛОВ В СЕТИ: 2]

[РАССТОЯНИЕ: ВНЕ ЗОНЫ СОЕДИНЕНИЯ]

Двое. Где-то. Может быть, в этом же городе. Может быть, на другом конце планеты.

Через несколько часов меня выпишут. Я надену серую куртку с оранжевыми полосами, ботинки со стальными носами, кожаный браслет на правое запястье. И пойду туда, где жил Тарн.

Сначала — выжить. Потом — найти двоих.

Двоих своих в чужом городе, где у каждого чужое лицо и чужое имя. Без фотографий. Без адресов. Без единой зацепки — кроме того, что они там, где-то, есть.

Ну что ж, — подумал я. — Найти человека, у которого нет ни имени, ни лица, ни адреса, — это не невозможно. Я этим занимался годами. Это просто долго.

Сеть — она везде сеть. И люди в ней везде оставляют следы. Даже те, кто очень старается не оставлять.

Особенно те, кто старается.

Вдох — четыре.

Задержка — четыре.

Выдох — четыре.

Получилось с первого раза.

Глава 3. Жизнь Тарна

Меня выписали в полдень.

Ойра принесла пакет с вещами, которые оставил Эрхен, и бумагу — не бумагу, тонкую гибкую пластинку, на которой светились строчки. Выписка. Диагноз, рекомендации, печать касты Медиков. Внизу — отдельной строкой, другим шрифтом, мелко: «Ограничение передвижения: пределы города. Основание: распоряжение службы безопасности».

Безликих здесь не называли Безликими. Даже в документах. «Служба безопасности». Просто и скромно.

— Неделя дома, — сказала Ойра. — Потом можешь на смену. Не курить. Не пить. Не лезть в трансформаторы.

— Последнее обещаю.

— Остальное?

— Над остальным работаю.

Ойра посмотрела на меня. Потом протянула руку — не для рукопожатия, здесь так не делали, а ладонью вверх, как будто что-то отдавала.

— Береги себя, Тарн.

Я положил свою ладонь поверх её. Сам не знаю почему. Тело знало, как здесь прощаются, — и сделало.

Ойра чуть сжала мои пальцы. И ушла, не оглядываясь.

* * *

Эрхен ждал внизу, у выхода. После ночной смены на восьмом узле — серый, помятый, с красными глазами, но довольный, как будто это его выписали.

— Пошли, — сказал он. — Велла пирогов напекла. Целую гору. Сказала, без тебя не садиться.

— Мне же домой.

— Домой потом. Сначала — пироги. Это не обсуждается.

Я не стал спорить. Тарн, кажется, тоже никогда не спорил с Веллой.

* * *

На улице я впервые увидел Нижний город вблизи.

Из окна больницы он казался чистым и почти игрушечным — белые башни, мосты, капсулы. Снизу всё было по-другому. Больше. Громче. Живее.

Мостовая под ногами — гладкая, тёмная, чуть пружинящая, как резина, — блестела, будто мокрая, и в ней отражалось всё: огни, вывески, ноги прохожих, днища проплывающих над головой дронов. Вдоль улицы тянулся узкий канал, и в нём текла вода — прозрачная, быстрая, с голубоватой подсветкой со дна. Вода падала в канал прямо со стены соседней башни — сплошной занавесью, с шорохом, похожим на дождь, — и над каналом всё время висела мелкая водяная пыль, в которой дрожали радуги от вывесок.

Люди шли мимо. Много людей. И я, Артём, смотрел на них, как турист, а Тарн внутри меня не смотрел вовсе — потому что всё это видел тысячу раз.

Вот прошла девушка в кожаной куртке с поднятым воротником, с тугими косами до пояса и с очками-линзами на лбу — круглыми, медными, с маленькими красными огоньками по ободку. Техник. Тарн узнал это раньше меня: по очкам, по сумке с инструментами через плечо, по особой привычке смотреть не на людей, а на провода над улицей. Вот прошёл мужчина, у которого вместо левой половины лица была гладкая серебристая пластина с одним круглым глазом-объективом. Киборг. Никто на него не оглядывался. Вот проехала низкая белая платформа на шести гибких лапах — грузовая, — перебирая лапами, как огромный краб, и неся на спине контейнер. А за ней шёл робот: высокий, белый, гладкий, с безликой овальной голо-

вой — но не страшный, как Безликие, а какой-то домашний, — и нёс в руках три коробки с продуктами.

Над головой, низко, жужжали дроны. В воздухе висели голограммы — вывески, указатели, реклама. Объёмная тарелка с дымящейся едой. Объёмная бутылка, медленно поворачивающаяся вокруг своей оси. Объёмная девушка, которая улыбалась и звала куда-то в сторону доков, и Тарн внутри меня поморщился, потому что знал, куда она зовёт.

А над всем этим — потолок. Тёмный, огромный, с огнями-окнами. И тень. Мягкая, ровная, без солнца.

— Ты чего встал? — Эрхен дёрнул меня за рукав. — Капсула уйдёт.

* * *

Капсула оказалась тем самым — каплей ртути на тонком рельсе. Мы вошли в неё вместе с десятком других людей. Двери сомкнулись беззвучно. Пол качнулся — едва заметно — и город поплыл за прозрачными стенами.

Я стоял, держась за поручень, и смотрел.

Тело знало, как стоять в капсуле: ноги чуть расставлены, колени мягкие, рука на поручне — не вцепившись, а просто лежит. Тело знало, на какой остановке выходить. Тело знало, что через две остановки капсула нырнёт под землю, в тоннель, и уши заложит от перепада давления — надо будет сглотнуть.

Капсула нырнула. Уши заложило. Я сглотнул — раньше, чем успел об этом подумать.

Эрхен рядом что-то рассказывал — про восьмой узел, про Хромого Дейна, про то, что у Дейна новая подружка из касты Медиков и теперь он ходит на смену в чистом комбинезоне, представляешь, в чистом! — а я кивал и смотрел, как за стеклом мелькают огни тоннеля.

Зодчий: *Ты привыкаешь, — сказал голос в голове. Тихо, чтобы не перебивать Эрхена. Как будто это имело значение.*

Не я, — подумал я. — Он. Тело. Я просто еду.

Зодчий: *Это одно и то же. Пока.*

Мне не понравилось это «пока». Но спрашивать я не стал.

* * *

У Эрхена и Веллы мы просидели до вечера.

Квартира у них была маленькая, но не тесная — две комнаты, кухня, балкон, на котором Велла выращивала в ящиках какие-то синие кудрявые растения. Сама Велла — маленькая, круглая, в фартуке, перепачканном мукой, — встретила меня в дверях, обняла так, что у меня хрустнули рёбра, и расплакалась. Потом засмеялась. Потом снова расплакалась. Потом шлёпнула Эрхена полотенцем за то, что «привёл больного человека пешком, совсем ума нет», и усадила меня за стол.

Пирогов действительно была гора.

И я ел. Тело ело с радостью, с жадностью, по-домашнему — как едят там, где тебя любят. А я сидел внутри и чувствовал, какпамять Тарна от каждого запаха, от каждого слова Веллы разворачивается всё шире. Вот этот стол. Вот эта трещина на краю столешницы. Вот этот стул — «его» стул, всегда этот, у окна. Вот внук Эрхена и Веллы — мальчишка лет семи, вихрастый, с исцарапанными коленками, — который влетел в кухню, увидел меня, завопил «Тарн!» и повис у меня на шее.

И я знал, как его зовут. Оско. И знал, что мы с ним играем в камешки: кто дальше кинет, кто точнее попадёт в нарисованный мелом круг. И знал, что он всегда жульничает, а Тарн всегда делает вид, что не замечает.

— Тарн, а ты где так долго был? — спросил Оско, болтая ногами у меня на коленях. — Бабушка сказала, ты болеешь.

— Болел, — сказал я. — Немножко.

— А где болеют?

— В больнице.

— А там как?

— Скучно, — сказал я. — Пирогов не дают.

Оско расхохотался. Велла снова расплакалась.

А я сидел, держал на коленях чужого мальчишку, который любил чужого человека, — и мне было так тепло и так стыдно одновременно, что я чуть не встал и не ушёл.

Не ушёл. Тарн бы не ушёл.

* * *

Общежитие касты Техников стояло в четырёх кварталах от доков, на краю района, где белые башни становились ниже, серее и теснее.

Здесь уже не было водяных занавесей и голограмм. Здесь были трубы — много труб, по стенам, под потолками, над улицами — и пар, который вырывался из них то тут, то там с громким шипением. Мостовая была не блестящей, а матовой, в царапинах и пятнах масла. Дроны летали выше и реже. Роботы не попадались вовсе.

Общежитие — серая башня в двадцать этажей, похожая на поставленный на торец пенал. Над входом — эмблема касты: шестерёнка, перечёркнутая молнией. Двери разъехались, когда я поднёс к панели правую ладонь портом.

Зодчий: *Метка зарегистрировала вход, — сказал голос. — Время. Место.*

Знаю, — подумал я. — Пусть регистрирует. Техник вернулся домой после больницы. Самое скучное событие в мире.

Лифт был старый, медленный, с исцарапанными стенками и надписями, которые оставляли поколения жильцов. Я знал некоторые наизусть. «Дейн — хромая крыса». «Кто украл мой паяльник, тот сдохнет». «Шестой этаж — лучший этаж». Последнюю, кажется, написал Тарн. Лет десять назад. По пьяни.

Шестой этаж. Длинный коридор, одинаковые двери, свет — жёлтый, тусклый, через одну лампу. В конце коридора — общая кухня, и оттуда пахло пережаренным маслом и чем-то пряным.

Всё, как в памяти. Всё, как вспомнилось ещё в больнице. Только теперь — по-настоящему. С запахом. С шумом. С холодным сквозняком из вентиляции под ногами.

* * *

— Тарн!

Из кухни выглянула девушка. Молодая — лет двадцати. Тёмные косы, заплетённые туго, по-рабочему. На лбу — очки-линзы, круглые, в медной оправе, с тонкими проводками, которые уходили за ухо. Рабочая куртка нараспашку. В руке — лопатка, с которой капало масло.

И память ответила сразу, как только она открыла рот: Рунна. Соседка из шестьдесят третьей. Ученица в ремонтной мастерской на третьем причале. Готовит лучше всех на этаже. Всегда занимает у Тарна соль и никогда не отдаёт.

— Живой! — сказала Рунна. — А мы тут уже скинулись тебе на похороны.

— Верните деньги, — сказал я.

— Уже пропили, — сказала Рунна. И улыбнулась. — Есть будешь? Я лепёшки жарю.

— Я от Веллы.

— А. Тогда понятно. — Рунна оценивающе посмотрела на мой живот. — Тогда завтра.

И скрылась на кухне.

Я стоял посреди коридора и чувствовал, как у меня горят уши. Не от смущения. От напряжения. Как на экзамене, когда вытянул билет, который вроде знаешь, — и всё время ждёшь, что преподаватель задаст дополнительный вопрос.

Пункт сорок шестой, — подумал я. — Узнавать людей, когда они заговорят. Не раньше. Не пытаться вспомнить заранее. Как с паролями: пальцы помнят, голова — нет.

Пункт сорок седьмой. Пока работает.

* * *

Комната Тарна была шестьдесят первой.

Я поднёс ладонь к замку. Дверь отъехала в сторону — не разъехалась, как в больнице, а именно отъехала, с усилием, с тихим скрежетом, как дверь купе в старом поезде.

И я понял, что имел в виду Эрхен, когда в больнице сказал: «Отлежись в своей норе».

Это была нора.

Два шага в длину. Полтора в ширину. Потолок — такой низкий, что я, войдя, машинально пригнулся: тело Тарна делало это каждый раз, двадцать лет, и всё равно, судя по шишке на макушке, которую я нащупал пальцами, иногда не успевало. Кровать — откидная, сейчас поднятая и прижатая к стене. Под ней — ящик для вещей. Над ней — полка. В углу — крохотная раковина и зеркало размером с ладонь. Окно — узкая щель под потолком, в которую видно было только кусок соседней стены и полоску трубы.

Я стоял посреди этой норы — то есть в её единственной точке, где можно было стоять, — и думал, что в моей однушке на Васильевском было тесно. Я на неё жаловался. Я говорил Насте, что живу в шкафу.

Прости, однушка. Ты была дворцом.

* * *

Я откинул кровать. Сел. Кровать скрипнула, но выдержала.

И стал смотреть.

Не искать — смотреть. Как смотрят на чужую квартиру, когда тебя впервые пустили переночевать. Что лежит на полке. Что висит на крючках. Что стоит под раковиной.

На крючке у двери — рабочая куртка, запасная, серая с оранжевым. Рядом — другая вещь. Длинный чёрный жилет без рукавов, почти до колен, из плотной матовой ткани, с высоким воротником-стойкой и тонкими голубыми полосками света по швам. Красивый. Явно дорогой — дороже всего остального в этой комнате, вместе взятого. Память отозвалась теплом: Тарн купил его три года назад, на рынке у моста, потратил половину месячной смены и потом неделю ел одни лепёшки Рунны. И ни разу не пожалел. Надевал по выходным. Когда хотел чувствовать себя кем-то другим, не техником второго разряда из шестьдесят первой.

Я провёл пальцами по ткани. Голубые полоски чуть ярче вспыхнули от прикосновения.

Понимаю, — подумал я. — Понимаю тебя, Тарн. У меня тоже была толстовка с капюшоном за полторы зарплаты. В ней я чувствовал себя хакером из кино, а не парнем, который сидит на кухне у приёмных родителей.

На полке — немного. Пара книг — не книг, а плоских кристаллов, в которых, я знал, были старые развлекательные записи: Тарн любил истории про бунтарей с Верхнего яруса, которые бросают всё и уходят жить в дикие земли. Кружка с отбитой ручкой — близнец той, что сгорела у Эрхена на узле: они купили их вместе, на одном лотке. Коробка с курительными палочками. Пустая.

И ящик с инструментами.

* * *

Ящик стоял в углу под раковиной. Обычный рабочий ящик техника — металлический, с ручкой, с эмблемой касты на крышке. Я открыл его, не думая. Руки открыли.

Сверху лежало то, что я ожидал. Тестер. Набор отвёрток с изолированными ручками. Паяльник — компактный, с аккумулятором. Мотки провода. Изолента. Перчатки. Всё казённое, всё с номерами касты, всё потёртое от долгой работы.

А под этим — второй слой.

Я вынул верхний лоток. И замер.

Под ним лежали вещи, которых в казённом ящике быть не должно.

Широкий зажим с керамическими губками, обмотанный толстым кабелем. Небольшая коробочка с двумя гнёздами и самодельной платой, на которой вручную, аккуратно, мелкими

каплями припоя были распаяны детали. Счётчик — но не казённый, без номеров, с подпиленными пломбами. Моток тонкого кабеля в чёрной изоляции, которая не отражала свет. Коробка с переходниками — десятки переходников, разных форм и размеров, подписанных от руки мелкими значками.

Я смотрел на это — и знал.

Не догадывался. Знал. Память Тарна развернулась сама, стоило взять в руки зажим.

Подстанция. Ночь. Тарн в чужой рабочей куртке — не своей, без номера на спине. Он снимает панель распределительного щита — у него есть ключ, ключ у него есть от всех щитов района, он же техник. Ставит зажим на магистральную шину — до счётчика, не после. Подключает коробочку. Коробочка обманывает счётчик подстанции: тот видит обычную нагрузку, ровную, как всегда. А по тонкому чёрному кабелю, мимо всех счётчиков, мимо всех учётов, уходит энергия. Немного. Чуть-чуть. Столько, чтобы никто не заметил.

Отвод.

Тарн воровал энергию.

* * *

Я сидел на откидной кровати с самодельным зажимом в руках и смеялся. Беззвучно, чтобы не услышала Рунна за стенкой.

Ну ты даёшь, Тарн, — думал я. — Ну ты даёшь. Добрый техник, лучший на участке, руки золотые, голова светлая. Пьёт в меру. А по ночам — снимает щиты на подстанциях и ворует энергию у города.

И главное — красиво воруешь. Я посмотрел на плату. Она была сделана хорошо. Очень хорошо. Не просто «обойти счётчик» — тонко. Обманка выдавала подстанции правдоподобную, чуть плавающую нагрузку, как у живого квартала, а не ровную линию, которая сразу бросилась бы в глаза любому, кто смотрит. Я сам такие делал. Не для электричества — для трафика. Чтобы на мониторе у дежурного всё было как обычно, пока через канал уходит то, что уходить не должно.

Тарн и я, — подумал я. — Коллеги, оказывается.

Зодчий: *Тебя это радует, — заметил голос.*

Меня это успокаивает, — подумал я. — Я боялся, что попал в тело святого. Святым я бы не продержался и недели.

* * *

А потом я подумал: зачем?

И память — молчала.

Не пустотой, нет. Просто ничего не пришло. Как ничего не приходит, когда пытаешься вспомнить, куда положил ключи: вроде бы клал, а куда — хоть убей.

Куда уходила энергия по тонкому чёрному кабелю? Кому? Зачем технику второго разряда столько электричества — больше, чем нужно на любую комнату, больше, чем нужно на любую мастерскую?

Я подумал — и сам себе ответил. Долг. Дом в Квартале, ежемесячный платёж, который съедает половину смены. Энергию можно продать. В Нижнем городе полно тех, кому нужно электричество без лишних вопросов: подпольные мастерские, нелегальные фермы, ночные притоны у доков. Тарн воровал — и продавал. Чтобы закрывать долг.

Логично. Понятно. Скучно.

Я положил зажим обратно. Вставил лоток. Закрыл ящик.

Пункт сорок восьмой. Тарн воровал энергию — скорее всего, чтобы платить долг.

Пункт сорок девятый. Мне надо решить, буду ли я продолжать.

Пункт пятидесятый. Нет. Не сейчас. Сейчас у меня на порту метка, и за мной смотрят. Техник, который месяц назад воровал энергию, а потом умер и воскрес, должен перестать воровать. По крайней мере, пока на него смотрят.

* * *

Долг напомнил о себе на следующее утро.

Над кроватью, на стене, была панель — маленький терминал, как в каждой комнате общежития. Ночью он молчал. А утром засветился мягким лиловым светом, и на нём проступили буквы:

«Дом Лиловой Луны. Уважаемый Тарн! Напоминаем, что очередной платёж по договору № 4471-Т должен быть внесён не позднее чем через три дня. Сумма…»

Сумма была внушительная. Я посмотрел на неё — и почувствовал, как тело Тарна сжалось. Где-то в животе. Тяжело, привычно, как сжимаются, когда в очередной раз приходит счёт, который нечем оплатить.

«…В случае просрочки договор переходит в статус долгового контракта согласно правилам Квартала».

Долговой контракт.

Я знал, что это. Тарн знал. В Квартале развлечений было законно всё, кроме того, что было незаконно, но продавалось всё равно. И долговой контракт был где-то посередине: формально — договор об отработке. Фактически — человек, который не может заплатить, переходит в собственность того, кому должен. Пока не отработает. А отработать в Квартале можно многое. И отрабатывают годами.

Тарн боялся этого больше смерти. Это я почувствовал сразу — без всякой памяти, одним телом.

* * *

Пункт пятьдесят первый, — подумал я. — Платить надо. Платить — это нормально. Платить — это самое скучное, что может сделать человек, на которого смотрят Безликие.

Я поднёс ладонь к панели. Остановился.

Это будет первое подключение. Первое с тех пор, как на порту появилась метка. Каждое моё прикосновение к любому терминалу в городе — строчка в чужом логе. Где. Когда. Куда.

Зодчий: *Подключение будет зарегистрировано, — сказал голос.*

Знаю, — подумал я. — Пусть видят. Пусть видят, как техник второго разряда из шестьдесят первой первым делом после больницы платит свой долг в Квартал. Самое предсказуемое поведение на свете.

Только одно, — подумал я. — Когда я подключусь — ничего не трогай. Ничего не сканируй. Не лезь в сеть, не ищи узлы, не качай карты. Просто платёж. Как у обычного человека.

Зодчий: *Понял.*

И я приложил ладонь.

* * *

Это было странно.

Я ждал… не знаю, чего я ждал. Удара тока. Вспышки. Какого-то ощущения «я в сети». Ничего такого не было. Было как будто я положил руку на тёплый камень. Лёгкое покалывание в контактах порта. И — меню. Прямо перед глазами, поверх изумрудной сетки, развернулось простое меню терминала: счёт, сообщения, платежи, новости касты.

Тело Тарна знало это меню наизусть. Я — то есть оно — привычно ткнуло мысленно в «платежи», выбрало «Дом Лиловой Луны», подтвердило сумму. Всё. Три секунды. Деньги ушли.

На счету осталось немного. Очень немного. До следующей смены — впритык.

Но я не отключился.

Потому что я, Артём, — хакер. И пока тело Тарна платило долг, я смотрел. Не лез, не трогал, не сканировал — просто смотрел. Как смотрит человек, которого впервые пустили в серверную. Куда идут провода. Что на что подключено. Где стоят камеры.

Терминал был тупой. Простой клиент, без собственной логики: всё, что я видел, он получал с центрального сервера касты и показывал. Запросы шли по одному каналу, ответы — по другому. Шифрование — было. Неплохое. Но не такое, какое я не смог бы… нет. Не сейчас. Не трогать.

А метку я увидел.

Не саму метку — её след. На долю секунды, когда терминал принимал мою ладонь, где-то сбоку, в служебном канале, мелькнул короткий пакет. Он ушёл не на сервер касты. Он ушёл куда-то ещё. По отдельной линии, которая не вела ни к одному известному мне узлу.

«Я здесь», — сказал этот пакет кому-то.

Я отключился. Медленно, спокойно, как обычный человек, который закончил с платежами.

* * *

Пункт пятьдесят второй, — подумал я, глядя на погасшую панель. — Метка шлёт пинг при каждом подключении. Отдельным каналом, мимо сервера касты, на чужой адрес.

Пункт пятьдесят третий. Значит, у Безликих — своя сеть. Поверх городской. Параллельная.

Пункт пятьдесят четвёртый. Значит, её можно найти.

Пункт пятьдесят пятый. Не сейчас.

Зодчий: *Ты сказал «не трогать», — заметил голос. — А сам смотрел.*

Смотреть — не трогать, — подумал я. — Смотреть — это профессиональная деформация. Я не могу войти в комнату и не посмотреть, где розетки.

Зодчий: *Я заметил.*

* * *

Следующие дни были самыми странными в моей жизни. Обеих моих жизнях.

Потому что они были обычными.

Я просыпался в норе под низким потолком. Бился макушкой о полку — тело Тарна, двадцать лет живя здесь, так и не научилось вставать аккуратно. Шёл на общую кухню. Рунна жарила лепёшки — правда, жарила лучше всех — и кормила меня, приговаривая, что больных надо кормить, а соль я ей всё равно должен. По вечерам на кухне собирался весь этаж: техники с разных узлов, ремонтники с причалов, пара парней из службы водоснабжения. Пили что-то мутное и кислое из общей бутылки — я отказывался, ссылаясь на врача, — и ругали начальство, цены, погоду, которой в Нижнем не было, потому что потолок, и Хромого Дейна, которого, кажется, ругал вообще весь Нижний город.

И я слушал.

И постепенно, слово за словом, жест за жестом, становился своим. Не потому, что старался. Потому что перестал стараться. Пункт тридцать третий работал: чем меньше я думал о том, как быть Тарном, тем лучше у меня получалось. Тело смеялось там, где смеялся Тарн. Морщилось там, где он морщился. Огрызалось на подначки так, как огрызался он, — коротко, беззлобно, с ухмылкой.

Иногда я ловил себя на том, что минут по двадцать вообще не думаю. Ни о Земле, ни о двух узлах, ни о Зодчем. Просто сижу на кухне, ем лепёшку, слушаю, как Рунна рассказывает про то, как её мастер уронил в залив целый блок питания, — и смеюсь.

Это было хорошо.

Это было страшно.

Потому что каждый такой раз, очнувшись, я думал: а вдруг однажды я не очнусь? Вдруг однажды двадцать минут станут часом, час — днём, и я просто стану Тарном? Техником второго разряда из шестьдесят первой. Который не помнит, что когда-то был кем-то ещё.

Зодчий: *Приоритет — у твоей личностной матрицы, — сказал голос, когда я подумал об этом в первый раз. — Ты не растворишься.*

А если ты ошибаешься? У тебя целостность девяносто четыре процента.

Пауза.

Зодчий: *Тогда напоминай себе, — сказал Зодчий. — Каждый вечер. Кто ты.*

И я напоминал.

Каждый вечер, лёжа в темноте на откидной кровати под низким потолком, я говорил себе — мысленно, по-русски, по пунктам. Меня зовут Артём. Мне двадцать пять. Я из Петербурга. Я хакер. Я помню зал света. Меня привёл сюда Зодчий. Где-то в этом мире — двое моих. Я должен их найти.

Как пароль. Как молитва. Как квадратное дыхание.

* * *

На третью ночь я заметил, что делают мои ноги.

Я встал — в темноте, не зажигая света, — чтобы попить воды из раковины. Два шага. Раковина. Обратно — два шага.

Только второй шаг вышел странным. Нога шагнула не прямо, а чуть в сторону. К стене. Как будто обходила что-то на полу.

Я остановился. Посмотрел вниз.

Ничего. Пол как пол. Тёмные плиты, тридцать на тридцать сантиметров, пригнанные одна к другой. Ничего не лежит. Ничего не торчит.

Я вернулся к раковине. Пошёл обратно. Специально — прямо, не думая.

Нога снова шагнула в сторону. Обошла одну плиту. Ту, что у самой ножки кровати.

* * *

Тело помнит, — подумал я. — Тело помнит то, что я ещё не вспомнил. Так было с браслетом. С походкой. С капсулой, когда я сглотнул перед тоннелем, ещё до того, как заложило уши. Тело делает — а голова потом догоняет.

Почему ты обходишь эту плиту, Тарн? Она скрипит? Шатается? Ты однажды споткнулся о неё и с тех пор обходишь по привычке?

Я присел на корточки. Нажал ладонью на плиту.

Она чуть подалась. На миллиметр. Не больше.

Я включил свет над раковиной — тусклый, жёлтый. Пригляделся. По краю плиты, между ней и соседней, тянулась щель. Не шире, чем у других. Но ровнее. Как будто её не уложили, а положили — сверху, аккуратно, чтобы потом можно было снять.

Я подцепил её ногтями.

Плита поднялась.

* * *

Под ней была ниша. Неглубокая, сантиметров пятнадцать, выдолбленная прямо в бетонном перекрытии и аккуратно выложенная изнутри тонким металлом. В нише лежал свёрток — плотная непромокаемая ткань, перетянутая шнуром.

Я вынул его. Развязал шнур. Развернул.

Деньги.

Кредитные чипы — плоские, гладкие, размером с ноготь, каждый с цифрой, светящейся под прозрачным покрытием. Много чипов. Я пересчитал — и пересчитал ещё раз, потому что не поверил с первого раза.

Этого хватило бы, чтобы закрыть долг в Доме Лиловой Луны. Весь. Целиком. И ещё осталось бы.

Тарн, — подумал я. — Тарн, какого чёрта. У тебя под полом лежит сумма, которой хватит, чтобы закрыть твой долг. А ты каждый месяц отдаёшь половину смены и боишься долгового контракта больше смерти. Почему?

Память — молчала.

Странно. Я держал в руках деньги, которые Тарн годами копил — должен был копить, откуда ещё, — и не чувствовал ничего. Ни радости, ни жадности, ни привычного «моё». Как будто держал чужой кошелёк, найденный на улице.

* * *

Под чипами лежало ещё кое-что.

Стопка тонких пластинок. Двенадцать штук. Каждая — размером с ладонь, гладкая, с чуть закруглёнными краями. Я взял верхнюю, повернул к свету.

На пластинке проступило лицо. Женщина, немолодая, с острым подбородком и шрамом через бровь. Под лицом — имя, которое мне ничего не говорило. Каста — Ремонтники. Номер. Место жительства — Средний ярус, третья платформа. Мелкие значки, печати, водяные знаки, переливающиеся, когда пластинку наклоняешь.

Удостоверение личности.

Я взял следующую. Мужчина, молодой, с имплантом на виске. Другое имя. Другая каста — Транспортники. Другой адрес.

Следующую. Старик. Следующую. Девушка лет восемнадцати. Следующую.

Двенадцать лиц. Двенадцать имён. Двенадцать жизней.

А на самом дне свёртка — маленькое устройство. Плоская коробочка с гнездом под пластинку и крохотным экраном. Я знал, что это, — не из памяти Тарна. Из своей. Я видел такие. Не такие — похожие, земные, грубее. Программатор. Для записи данных на чип документа.

* * *

Я сидел на полу своей норы, в тусклом жёлтом свете, с двенадцатью чужими лицами, разложенными веером на коленях, и чувствовал, как у меня медленно встают дыбом волосы на руках.

Я знал, что это.

Я делал такое сам. Для людей, которые не называют своих фамилий. Документы для тех, кому нужно исчезнуть. Новое лицо, новое имя, новая биография. Хорошие, качественные, такие, которые пройдут любую проверку на границе.

Это были поддельные удостоверения.

И они были хорошими. Я наклонял пластинки к свету, смотрел на водяные знаки, на микропечать по краю, на то, как переливается голограмма касты. Ни одного огреха. Ни одной ошибки, за которую зацепился бы глаз. Тарн — если это делал Тарн — знал своё дело.

А память — молчала.

Вот это было по-настоящему странно. Про зажим для отвода память рассказала всё сразу: подстанция, ночь, щит, шина, коробочка. Стоило взять в руки — и полилось. А тут — двенадцать документов, программатор, работа тонкая, долгая, кропотливая, — и ничего. Ни одной картинки. Как будто я впервые в жизни вижу эти лица и эту коробочку.

Может, это не его, — подумал я. — Может, кто-то отдал ему на хранение. Друг. Знакомый. Кто-то, кому нужно было спрятать. Тарн согласился, положил под пол — и забыл. Зачем помнить чужое.

Но деньги? Деньги-то — его? Или тоже чужие?

Зодчий: *Недостаточно данных, — сказал голос. Тихо. Как будто тоже смотрел на эти лица.*

Я и не спрашивал, — подумал я.

Зодчий: *Ты спрашивал. Себя. Я слышу.*

* * *

Я сложил всё обратно. Чипы — в свёрток. Пластинки — под чипы. Программатор — на дно. Затянул шнур. Положил в нишу. Закрыл плитой.

Ничего не взял.

Пункт пятьдесят шестой, — думал я, лёжа в темноте и глядя в низкий потолок. — У Тарна под полом — деньги. Много. Хватит закрыть долг.

Пункт пятьдесят седьмой. Если я закрою долг — сразу, целиком, через неделю после того, как вернулся из больницы, — это будет первое интересное событие в моей скучной жизни. Безликие увидят. Метка пинганёт. Кто-то спросит: откуда у техника второго разряда такие деньги?

Пункт пятьдесят восьмой. Значит, пока — платить, как платил Тарн. По частям. Каждый месяц. Из смены.

Пункт пятьдесят девятый. Двенадцать поддельных удостоверений. Программатор. Работа профессионала.

Пункт шестидесятый. Я не знаю, чьи они. Я не знаю, зачем они. Я не знаю, кто такой был Тарн.

Пальцы правой руки, лежащей на одеяле, тихо стукнули по раме кровати. Три. Пауза. Два.

Я не стал их останавливать.

* * *

На пятую ночь я вылез на крышу.

Не специально. Просто не спалось. Нора давила — низким потолком, узкими стенами, запахом пережаренного масла, который просачивался из кухни даже сквозь закрытую дверь. Я вышел в коридор, дошёл до конца, нашёл служебную лестницу. Тело Тарна знало, куда она ведёт. Тело Тарна, похоже, ходило сюда часто.

Двадцатый этаж. Люк. Крыша.

Я вылез — и задохнулся.

Ветер. Настоящий ветер, прохладный, влажный, пахнущий заливом. Над головой — потолок, но здесь, наверху, он был ближе, огромный, тёмный, весь в огнях. А вокруг — город. Белые башни, серые башни, трубы, огни, каналы. До самого горизонта. И где-то далеко, у края потолка, — узкая полоска настоящего неба. Ночного. С одной луной — голубой, маленькой.

На краю крыши стоял ящик. Старый, металлический, с вмятинами. Тарн, видимо, сидел на нём. Я сел. Ящик был холодный.

И я позвал сетку.

* * *

Изумрудные линии развернулись поверх ночного города — и город превратился в схему. В живую, пульсирующую, светящуюся схему энергосети.

Я смотрел на неё, как смотрят на ночное небо. Магистрали — толстые, ярко-голубые, уходящие под землю и под воду. Подстанции — светящиеся узлы, от которых расходились во все стороны тонкие ветки. Кварталы — паутина мелких линий, каждая — дом, каждая — сотни комнат, тысячи ламп, терминалов, плит, кондиционеров. Сеть дышала. Где-то разгоралась ярче — ночная смена в доках, — где-то гасла — жилые кварталы засыпали.

Я искал подстанцию. Ту, которую видел в памяти Тарна. С зажимом на шине.

Нашёл быстро — Зодчий подсветил, едва я подумал. Подстанция номер четырнадцать, в трёх кварталах к северу. Обычный узел. Обычная нагрузка.

А на шине — до счётчика — тонкая чёрная линия.

Отвод Тарна. Всё ещё на месте.

И энергия по нему всё ещё шла.

* * *

Я смотрел на это, и мне стало холодно — сильнее, чем от ветра.

Тарн умер больше недели назад. Его зажим остался на шине — никто не снял, никто не нашёл. И энергия по тонкому чёрному кабелю продолжала уходить. Куда-то.

Я проследил линию. Она шла от подстанции на восток. Под улицей. Под каналом. Под двумя кварталами. И — исчезала. Не обрывалась, а уходила в место, которое на карте Зодчего было… пустым. Серым пятном. Как будто там ничего не было. Ни домов, ни улиц, ни сетей.

Что там? — подумал я.

Зодчий: *Нет данных. Этот сектор отсутствует на карте.*

Как может сектор отсутствовать на карте? Это же город. Там же что-то есть.

Зодчий: *Есть. Но карта этого не знает. Кто-то сделал так, чтобы не знала.*

Я сидел на холодном ящике и смотрел на серое пятно на изумрудной схеме.

Значит, никакие не подпольные мастерские. Никакие не ночные притоны. Тарн не продавал энергию первому встречному, чтобы закрыть долг. Он отправлял её в одно и то же место. В место, которого нет на карте.

Кому, Тарн? — подумал я. — Кому ты носил энергию по ночам?

Пальцы стукнули по ящику. Три. Пауза. Два.

* * *

А потом я заметил вторую линию.

На той же подстанции. На той же шине. Чуть дальше — тоже до счётчика. Тоньше, чем у Тарна. И работала она по-другому.

Линия Тарна тянула ровно, постоянно, по чуть-чуть. А эта — рывками. Вспыхивала ярко-ярко на несколько минут — так, что по шине пробегала лёгкая рябь, — и гасла. Потом минут двадцать ничего. Потом снова — вспышка, рывок, несколько минут. И снова тишина.

Как будто кто-то подключался, быстро набирал заряд — и отключался.

Я смотрел. Вспышка. Пауза. Вспышка.

Это не отвод на постоянку, — думал я. — Это зарядка. Кто-то заряжает что-то. Аккумулятор. Батарею. Что-то, что потом уносит с собой.

Я попробовал проследить, куда уходит эта линия. Она шла от подстанции наверх. По стене. На крышу соседнего здания. И там — обрывалась. Точка подключения. Голая клемма на крыше, прикрытая куском ржавого железа.

А от клеммы — никуда.

Тот, кто заряжался, подключался прямо там. На крыше. И уходил.

Куда можно уйти с крыши, на которую нет ни лестницы, ни люка?

* * *

Пока я думал, линия снова вспыхнула.

Я повернул голову — не на схему, на настоящую крышу, в трёх кварталах к северу. Убрал сетку. Прищурился — глаза Тарна, с коррекцией, видели в темноте неплохо.

Там, на крыше, у самого края, что-то шевельнулось.

Тёмный силуэт. Небольшой, щуплый. Человек. Он сидел на корточках у трубы, склонившись над чем-то.

Линия на подстанции погасла.

Силуэт выпрямился. Шагнул к краю крыши.

И за его спиной развернулось что-то большое. Широкое. Блеснувшее в свете далёких огней тусклой латунью.

Крылья.

Силуэт шагнул с крыши — в пустоту, в двадцать этажей тьмы, — и не упал. Нырнул вниз, распахнул крылья, поймал воздух, скользнул над каналом, над улицей, над крышами — и ушёл вверх, к потолку, к тёмному днищу Среднего города, и пропал среди его балок и огней.

* * *

Я сидел на холодном ящике с открытым ртом.

Пункт шестьдесят первый, — подумал я, когда снова смог думать. — На подстанции четырнадцать воруют энергию двое. Мёртвый Тарн, чей отвод всё ещё работает и ведёт в место, которого нет на карте.

Пункт шестьдесят второй. И кто-то с латунными крыльями, который заряжается по ночам и улетает под Средний город.

Пункт шестьдесят третий. В этом городе есть люди, которые умеют летать.

Пункт шестьдесят четвёртый. И люди, которые умеют стирать целые кварталы с карт.

Я посидел ещё немного. Ветер трепал дреды Тарна, швырял их мне в лицо. Холод пробирался под рабочую куртку.

Зодчий: *Ты хочешь его найти, — сказал голос. Не вопрос.*

Я хочу понять, — подумал я. — Найти — это потом.

Зодчий: *Это одно и то же. Для тебя.*

Наверное, — подумал я. — Профессиональная деформация.

Я встал. Посмотрел ещё раз на серое пятно на востоке — туда, где кончалась линия Тарна. Потом на потолок, туда, где исчез человек с крыльями.

Потом спустился в свою нору, откинул кровать, лёг и долго смотрел в низкий потолок.

Меня зовут Артём, — сказал я себе. — Мне двадцать пять. Я хакер. Я помню зал света. Где-то в этом мире — двое моих. Я должен их найти.

И ещё: я живу в теле человека, который воровал у города энергию и прятал под полом двенадцать чужих жизней.

И я понятия не имею, зачем.

Вдох — четыре.

Задержка — четыре.

Выдох — четыре.

Пальцы стукнули по раме кровати. Три. Пауза. Два.

Глава 4. Город как код

Энергоузел номер восемь стоял на сваях у четвёртого причала и был точной копией девятого — только не сгоревшей.

Серая коробка в три этажа. Узкие окна. Металлическая лестница снаружи, мокрая от водяной пыли с залива. Над дверью — эмблема касты и номер, выведенный крупно, белой краской, по трафарету. Внизу, под сваями, плескалась тёмная вода, и в ней покачивались отражения портовых огней.

Я стоял перед дверью в рабочей куртке, в ботинках со стальными носами, с ящиком инструментов в руке, и чувствовал себя как в первый день на новой работе.

Это и был мой первый день на новой работе. Просто никто, кроме меня, об этом не знал.

— Ну? — Эрхен толкнул меня в спину механической рукой. — Чего застыл? Дейн не любит, когда опаздывают.

— Мы не опаздываем.

— Дейн не любит, когда стоят у двери. Он считает, что это то же самое.

* * *

Хромой Дейн оказался именно таким, каким я представлял его по рассказам Эрхена, — и совсем не таким, каким помнил Тарн.

Тарн помнил его злым, громким и мелочным. Начальник смены, который придирается к каждой царапине на корпусе, считает перекуры по секундам, пишет докладные на всех подряд. Тарн его не любил — это ощущение поднялось во мне сразу, как изжога, стоило Дейну выйти из-за пульта.

А я увидел другое.

Немолодой, сухой, жилистый. Левая нога — механическая, старой модели, с открытым коленным шарниром, который тихо поскрипывал на каждом шаге. Отсюда «Хромой». Комбинезон и правда чистый, отглаженный, с аккуратно подшитым номером на спине. Лицо узкое, в глубоких складках, с тяжёлыми веками — и очень внимательными глазами.

Глазами человека, который много лет отвечает за то, чтобы ничего не взорвалось.

— Тарн, — сказал Дейн.

— Дейн.

— Медики допустили?

Я протянул ему гибкую пластинку выписки. Он пробежал её глазами. Задержался на строчке про ограничение. Поднял взгляд.

— Служба безопасности, — сказал он. Не спросил.

— Вопросы задавали. Про девятый узел. Всем задавали.

— Не всем ставили ограничение.

— Мне повезло больше, чем всем.

Дейн смотрел на меня ещё секунду. Потом вернул пластинку.

— На девятом, — сказал он медленно, — трансформатор на третьем уровне мы должны были поменять ещё полгода назад. Я писал. Три раза. Мне три раза отвечали, что нет средств. — Пауза. — Мне жаль, что тебя ударило, Тарн. Этого не должно было случиться.

Я не знал, что ответить. Тарн бы тоже не знал. Тарн, кажется, ни разу за все годы не слышал от Дейна ничего, кроме докладных.

— Спасибо, — сказал я.

Дейн кивнул. Развернулся. Скрипнул коленом.

— Щиты второго уровня, — бросил он через плечо. — Полная диагностика. После девятого у нас нагрузка вдвое. Если что-то посыплется — посыплется здесь.

* * *

Щиты второго уровня стояли в длинном узком помещении без окон. Высокие серые шкафы в два ряда, с гудящими внутри трансформаторами и мигающими на дверцах огоньками. Пахло горячим металлом и озоном. Под ногами — решётчатый пол, а под ним — кабельные каналы, толстые, как мои — Тарновы — руки.

Тарн проработал в таких помещениях двадцать лет. Тело чувствовало себя здесь дома. Плечи сами расслабились, шаг стал увереннее, руки сами потянулись к первому шкафу.

У каждого шкафа на дверце была панель — плоская, тёмная, с гнездом для порта.

Диагностика. Обычное дело. Подключаешься, смотришь параметры, ищешь отклонения. Тарн делал это тысячи раз.

Я — ни разу.

* * *

Я стоял перед первым шкафом и смотрел на гнездо.

Здесь не будет, как с терминалом в общежитии, — думал я. — Там был клиент. Тупой посредник: меню, платежи, новости. А здесь — прямое подключение к железу. К тому, что держит энергию целого квартала.

И это будет зарегистрировано. Метка пинганёт.

И это нормально. Абсолютно нормально. Техник на смене подключается к щитам для диагностики. Сотни раз за смену, тысячи раз за год. Ничего скучнее в чужих журналах не найти.

Я вдруг поймал себя на том, что улыбаюсь.

Лучшее место, чтобы спрятаться, — в толпе. Лучшее место, чтобы спрятать свои шаги, — там, где и так топчется сотня ног. Если я буду выходить в сеть только на смене, только к тем шкафам, к которым мне положено, — моя метка утонет в шуме. Каждое подключение будет выглядеть ровно тем, чем и будет: работой.

Зодчий: *Ты доволен, — заметил голос.*

Я нашёл место, где можно стоять в тени, — подумал я. — Это всегда приятно.

И приложил ладонь к гнезду.

* * *

Сначала — ничего. Как в общежитии: тёплый камень, лёгкое покалывание в контактах. Перед глазами развернулась стандартная диагностическая панель касты: напряжение, ток, температура обмоток, состояние изоляции. Цифры, графики — всё зелёное.

Тело Тарна привычно пробежалось по ним глазами. Норма. Норма. Чуть повышена температура на второй фазе, но это от нагрузки, после девятого узла все так греются. Норма.

А потом я посмотрел глубже.

* * *

Не знаю, как объяснить это тому, кто никогда не сидел ночами над чужой системой.

Есть то, что видит обычный пользователь: кнопки, меню, красивые графики. А есть то, что под ними. Команды, которые бегут по проводам. Короткие быстрые пакеты, тысячи в секунду. Запросы и ответы. Подтверждения. Короткие сигналы «я в порядке», которые каждое устройство посылает соседям по нескольку раз в секунду — просто чтобы все знали, что оно живо.

Обычный техник видит панель. Я привык видеть то, что под панелью.

И я увидел.

Изумрудная сетка Зодчего легла поверх диагностики — и панель стала прозрачной. А под ней, в глубине, потекло.

Строки. Тысячи строк. Короткие, быстрые, бегущие сверху вниз, как вода. Значки — не буквы и не цифры, что-то третье, угловатое. Сначала просто рябь. Потом — ритм. Вот этот значок повторяется дважды в секунду: «я в порядке». Вот этот всегда идёт парой с другим: вопрос и ответ. Вот этот длинный, с хвостом: команда, а хвост — подпись, кто её отдал.

Я смотрел, и узор складывался в смысл. Медленно. Как складывается чужой язык, когда долго в него вслушиваешься.

Зодчий: *Служебный протокол энергосети касты, — сказал голос тихо, как подсказка на экзамене. — Я его знаю. Коды, ключи — всё, что знали в этом времени. Это было в записи: «ИИ имеет коды и пароли того времени, в которое вы попали».*

Я помнил.

И вот тогда я по-настоящему понял, что у меня в руках.

* * *

Двадцать лет я работал с чужими системами. С такими, куда пускают, и с такими, куда не пускают. И всегда — всегда — самое долгое и самое трудное было в начале. Понять, как устроено. Нащупать протокол. Собрать ключи по крупицам, по одному, месяцами, из ошибок, из утечек, из чужой небрежности.

А тут мне выдали всё сразу. Полную документацию. Все ключи. Все пароли. В голову. Бесплатно.

Это было почти оскорбительно. Как дать человеку, который всю жизнь взламывал сейфы, универсальный ключ от всех сейфов мира и сказать: пользуйся.

Зодчий: *Я чувствую, что ты… взволнован, — сказал Зодчий. — Показатели носителя. Пульс. Это из-за протокола?*

Это из-за того, — подумал я, — что ты даже не понимаешь, что мне только что дал.

Зодчий: *Объясни.*

Представь, что ты всю жизнь учил чужой язык по обрывкам. По одному слову в год. А потом кто-то вложил тебе в голову весь словарь целиком. Со всеми значениями. Вот что ты мне дал.

Пауза.

Зодчий: *Ты рад.*

Я осторожен, — подумал я. — Это не одно и то же. Но близко.

* * *

Я не стал ничего трогать.

Это было тяжело — тяжелее, чем пройти мимо терминала в больнице. Передо мной лежала раскрытая система управления энергией целого квартала, и я знал к ней все ключи. Я мог сделать что угодно. Погасить свет на улице. Переключить нагрузку. Открыть любую дверь в радиусе квартала, если она питается от этой сети. И никто бы не понял, кто это сделал, — потому что команда ушла бы с законной подписью законного техника, подключённого к законному щиту на законной смене.

Я мог. И именно поэтому не стал.

Пункт шестьдесят пятый, — подумал я. — Первое правило работы под наблюдением: ничего не делать, пока не понял, как устроено наблюдение.

Я не знал, кто и как читает журналы Безликих. Не знал, сработает ли где-нибудь тревога, если напряжение на улице дрогнет на долю секунды. Не знал, есть ли в этой сети свои сторожа — программы, которые следят за тем, чтобы техники делали только то, что положено.

Пока не узнаю — смотреть. Только смотреть.

И я смотрел. Шкаф за шкафом, всю смену. Снаружи — скучный техник второго разряда делает скучную диагностику. Внутри — я запоминал. Как выглядит нормальный обмен между щитами. Как выглядит команда сверху. Как выглядит ответ. Где в потоке служебные сигналы, а где — редкие, особые пакеты, которые шли не от касты, а откуда-то ещё, по отдельному каналу, тонкие и зашифрованные.

Те самые. Сеть Безликих. Поверх городской. Я видел её след уже второй раз — и теперь знал, как он выглядит вблизи.

Не трогать. Запомнить.

* * *

К концу смены я валился с ног.

Не от работы — от внимания. Восемь часов держать в голове две вещи сразу: что делает скучный техник Тарн и что видит хакер Артём. Восемь часов не дать второму проговориться первым. Это выматывало сильнее, чем любая физическая работа. К вечеру у меня дрожали руки — руки Тарна, привыкшие к железу, а не к этому.

Эрхен это заметил.

— Бледный, — сказал он, когда мы вышли на лестницу. Над заливом садилось невидимое солнце, и край потолка на западе чуть розовел. — Домой. И спать. Я Дейну скажу, что ты после больницы, он поймёт.

— Я в порядке.

— Ты белый, как брюхо рыбы. В порядке он. — Эрхен сунул мне в руку свёрток. — На. Велла передала. Не спорь.

В свёртке был пирог.

* * *

Дома, в норе, я лёг на откидную кровать и уставился в низкий потолок.

Смена закончилась. Тарн отработал первый день. Скучно, чисто, без происшествий. Метка пинганула полсотни раз — ровно столько, сколько пинганула бы у любого техника. В журнале Безликих, если кто-то его читает, нет ничего, кроме скуки.

А я за этот день понял про город больше, чем за всю прошлую неделю.

Город был машиной. Огромной, старой, сложной машиной, которая работала на энергии, бегущей по проводам. А по тем же проводам бежали команды. Всё в этом городе было подключено ко всему. Двери, лифты, капсулы, светофоры над перекрёстками, вывески, терминалы, шлюзы на каналах, подъёмники в доках. Всё питалось от сети — и всё управлялось через сеть. Теми самыми угловатыми значками, которые я теперь умел читать.

А у меня в голове сидел тот, кто знал к этой сети все ключи.

Я лежал и думал: если город — это машина, то я — единственный человек в городе, который видит её изнутри. Не как техник, который чинит один шкаф. А целиком. Как… администратор, у которого случайно оказался доступ ко всему сразу.

И этот доступ надо было проверить.

* * *

Не на работе. Дома. Тихо. Один раз. На чём-нибудь совсем мелком, незаметном, таком, что если даже где-то и дрогнет — спишут на сбой.

Я думал об этом полночи. Как думают о первой сигарете те, кто бросил. Нельзя. Опасно. Метка. Безликие. Нельзя.

А потом подумал: именно потому, что нельзя, я и должен попробовать. Один раз. Контролируемо. Чтобы знать, что будет. Лучше выяснить это сейчас, на ерунде, которую я сам выбрал, — чем потом, когда припрёт, и выбора не будет.

Профессиональная деформация, да. Я сам это понимал.

* * *

В коридоре общежития, через три двери от моей, была лампа.

Самая обычная. Жёлтая, тусклая, в проволочной сетке, одна на весь конец коридора. Она моргала. Давно, сколько Тарн себя помнил: контакт разболтался, никто не чинил, всем было всё равно. Она просто моргала — раз в несколько секунд, еле заметно, — и все к ней привыкли.

Лампа питалась от сети. Как всё в этом городе.

Я лёг поудобнее. Закрыл глаза. Позвал сетку.

Изумрудные линии развернулись поверх тьмы под веками. Я нашёл свою комнату — маленький узел на большой паутине. Нашёл коридор. Нашёл линию, которая шла к лампе. Тонкую, слабую, с еле заметной рябью — тем самым разболтанным контактом.

Зодчий: *Ты собираешься что-то сделать, — сказал голос. Не вопрос. — Впервые.*

Да.

Зодчий: *Это рискованно.*

Это лампа в коридоре общежития, которая моргает десять лет. Если она перестанет моргать — вряд ли это попадёт в сводку службы безопасности.

Пауза.

Зодчий: *Что ты хочешь сделать?*

Починить её, — подумал я. — Я просто хочу её починить.

* * *

Это оказалось… легко.

Пугающе легко.

Я нашёл в потоке команду, которая управляла питанием этого участка. Нашёл параметр — тот, что отвечал за ток на линии лампы. Он скакал: разболтанный контакт то давал полный ток, то проседал, оттого лампа и моргала. Я не мог починить контакт — железо есть железо, провод надо крутить руками. Но я мог сделать другое. Я мог сказать сети: держи на этой линии ровный ток, что бы ни происходило с контактом. Компенсируй. Подхватывай просадку.

Одна строчка. Один угловатый значок с хвостом-подписью.

Я… не отправил её. Я просто подумал её — чётко, целиком, как формулируют команду. И Зодчий, который слышал каждую мою мысль, спросил:

Зодчий: *Отправить?*

И я сказал: да.

* * *

В коридоре, через три двери, перестала моргать лампа.

Я этого не видел — я лежал с закрытыми глазами. Но я видел это в сетке: рябь на тонкой линии разгладилась. Ток выровнялся. Стал ровным, как по линейке.

Я открыл глаза. Встал. Приоткрыл дверь.

В конце коридора ровно, не мигая, горела жёлтая лампа.

Десять лет моргала. А теперь — горела.

Я стоял в дверях своей норы, смотрел на эту дурацкую лампу, и у меня почему-то защипало в горле. Не знаю почему. Глупость же. Лампа. Но это было первое, что я сделал в этом мире своими руками — не руками Тарна, а своими, настоящими, теми, которыми я всегда работал. Первое, что я изменил. Маленькое. Доброе. Моё.

Привет, — подумал я. — Привет, Элизиум. Я тут.

* * *

А на четвёртый день я ошибся.

* * *

Это случилось на смене. Я осмелел — не настолько, чтобы делать что-то, но настолько, чтобы смотреть глубже. Я подключился к щиту, прошёл диагностику — скучный Тарн делал свою работу — а сам, внутри, пошёл по сети дальше. От щита — к подстанции. От подстанции — к распределительному узлу. Я хотел понять, как устроена иерархия. Кто кому отдаёт команды. Где в этой машине мозг.

Я заходил всё глубже. Узел за узлом. И чем глубже заходил, тем интереснее становилось, и тем меньше я следил за тем, где нахожусь.

Это всегда так. Это классическая ошибка. Я сам ругал за неё стажёров: увлёкся, забыл, где ты, забыл замести следы. Азарт съедает осторожность. Я это знал. И всё равно попался — потому что знать и не попасться — разные вещи.

Я дошёл до узла, к которому был не подключён.

* * *

То есть — физически я был подключён к своему щиту. Ладонь на гнезде, диагностика идёт. А вот запрос, который я послал, ушёл дальше, чем позволено технику второго разряда. Я заглянул туда, куда у Тарна не было доступа. И система это заметила.

Не Безликие. Сама система. У неё был сторож — ровно такой, о каком я и думал в первый день. Тихая программа, которая следит, чтобы каждый делал только то, что ему положено. И этот сторож увидел: техник с таким-то портом, подключённый к такому-то щиту, запрашивает узел, к которому не имеет доступа.

В потоке мелькнул особый значок. Красный. Короткий.

Запрос-тревога. «Нарушение прав доступа. Порт такой-то. Зафиксировать».

И метка на моём порту была готова этот сигнал подхватить и отправить дальше — туда, по тонкому зашифрованному каналу, Безликим.

* * *

У меня была, наверное, половина секунды.

Я не думал. Если бы я думал — я бы не успел. За меня сработало то, что нарабатывается годами и перестаёт быть мыслью, становясь рефлексом. То, ради чего двое в одинаковых куртках когда-то пришли ко мне на кухню.

Я не стал убирать запрос — поздно, он уже ушёл, его уже увидели. Я сделал другое. Я завалил сторожа мусором.

В ту же половину секунды я отправил не один запрос, а сотню. Бессмысленных, законных, разрешённых технику запросов — к своему щиту, к своей подстанции, к тем узлам, к которым доступ был. Диагностика, диагностика, диагностика, температура, напряжение, ток, статус, статус, статус — сотня законных обращений разом, лавина.

Сторож захлебнулся.

Он был простой. Старый. Он не был рассчитан на то, что один техник за долю секунды пошлёт сотню запросов. Он стал их обрабатывать — по очереди, честно, каждый, — и среди этой сотни законных потонул один незаконный. Красный значок мелькнул — и утонул в зелёном потоке, как одна капля крови в ведре воды. Тревога ушла в журнал. Но ушла не одна, а в хвосте из сотни пометок «норма, норма, норма, диагностика завершена».

Тот, кто будет читать журнал, увидит: техник Тарн проводил диагностику. Очень усердно. Сотня обращений за секунду — ну, старательный техник, после больницы, навёрстывает. А где-то в середине — одна строчка про нарушение доступа. Сбой. Помеха. Утонувшая в рутине.

Я надеялся, что он увидит именно так.

* * *

Я отключился от щита.

Руки Тарна дрожали. По-настоящему. Я привалился к шкафу, закрыл глаза, и сердце — чужое, большое, сильное сердце Тарна — колотилось так, что отдавалось в ушах.

Попался, — думал я. — Чуть не попался. На четвёртый день. Из-за того, что увлёкся. Как сопляк. Как стажёр, которого я бы выгнал.

Зодчий: *Пульс сто сорок, — сказал голос. Непривычно тихо. — Тебе плохо?*

Мне стыдно, — подумал я. — Это хуже.

Пауза.

Зодчий: *Ты справился. Тревога не прошла наружу. Я следил по каналу метки — ничего не ушло. Сторож зарегистрировал нарушение как единичный сбой.*

Ты уверен?

Зодчий: *Нет, — честно сказал Зодчий. — Но если бы сигнал ушёл Безликим, ты бы узнал. Они приходят быстро.*

Утешил.

Зодчий: *Я не умею утешать. Я говорю, как есть.*

* * *

Я простоял у шкафа долго. Пока не унялись руки. Пока не выровнялось дыхание — вдох четыре, задержка четыре, выдох четыре, спасибо, Настя, спасибо, тренинг, который я прогулял.

А потом я понял одну вещь. Важную. Такую, ради которой, может, и стоило перепугаться до смерти.

Я справился.

Не Зодчий. Не ключи, не коды, не память Тарна. Я. Артём. Двадцать пять лет, детдом, списанный компьютер, двое в куртках, годы работы на тех, кого нельзя называть. Когда сторож поднял тревогу, меня спас не инопланетный интерфейс. Меня спасло то, что я умел всегда: спрятать иглу не в стоге сена, а в куче точно таких же игл.

Программа — она везде программа. Сеть — она везде сеть. И я в этой сети был не гостем с чужими ключами.

Я был дома.

* * *

Вечером, возвращаясь в общежитие, я прошёл по коридору мимо лампы.

Она горела. Ровно, спокойно, не мигая.

Я остановился под ней на секунду. Задрал голову. Жёлтый тёплый свет лёг на лицо.

Два подключения. Два урока. Лампа, которую я починил, потому что мог. И сторож, который чуть меня не поймал, потому что я забылся.

Вот тебе и весь город, — подумал я. — Можно всё. Нельзя забываться.

Пункт шестьдесят шестой. В этом городе я могу почти что угодно.

Пункт шестьдесят седьмой. Ровно до того мгновения, как увлекусь.

Пункт шестьдесят восьмой. Больше не увлекаться.

Я знал, что это невыполнимо. Я увлекаюсь — это у меня в крови, это то, за что меня когда-то поймали в шестнадцать, и то, ради чего взяли на работу. Но пункт должен был быть. Чтобы помнить.

Я пошёл к своей норе. Лампа светила мне в спину — ровно, не мигая.

И где-то под городом, в месте, которого нет на карте, по тонкому чёрному кабелю мёртвого техника всё ещё текла украденная энергия. Я помнил про неё. Я не забыл.

Но сначала надо было научиться ходить, не падая.

Вдох — четыре.

Задержка — четыре.

Выдох — четыре.

Пальцы правой руки тихо стукнули по бедру. Три. Пауза. Два.

Я уже почти не замечал этого.

Глава 5. Пыльца

Прошло двенадцать дней.

Я считал — по пунктам, каждый вечер. Двенадцать дней, как меня выписали. Двенадцать смен — почти, с выходным посередине. Двенадцать раз я напомнил себе, кто я, лёжа в темноте под низким потолком.

И за двенадцать дней я стал хорошим техником.

Это вышло само. Память Тарна знала работу руками — какой шкаф как открывается, где какой кабель, как пахнет перегревающаяся обмотка. А я знал работу головой — что под панелью, как течёт поток, где искать сбой не на ощупь, а по журналу. Вместе получался техник, каких на узле не было. Дейн это заметил на четвёртый день. На седьмой — перевёл меня с диагностики щитов на поиск неисправностей по всему узлу. На десятый — сказал Эрхену, при мне, что «током Тарну, похоже, не мозги отшибло, а наоборот, что-то вправило».

Эрхен хохотал. А мне было не смешно.

Потому что я понимал: чем лучше я работаю, тем заметнее я становлюсь. А заметным мне быть нельзя.

Я стал нарочно ошибаться. Иногда. По мелочи. Чтобы не слишком выделяться. Чтобы Тарн оставался Тарном — хорошим техником, но не чудом. Специально загонять себя в середину — это оказалось труднее всего. Всю жизнь я старался быть лучшим в том, что умею. А теперь приходилось стараться быть обычным.

* * *

Но по ночам я переставал быть обычным.

По ночам, в норе, я изучал город.

Осторожно. По моим же правилам. Я не трогал ничего — после той истории со сторожем я зарёкся. Я только смотрел. Разворачивал сетку поверх тьмы под веками и ходил по сети, как ходят по чужому городу турист с картой: ничего не покупаю, никуда не вхожу, просто смотрю, где что.

И постепенно складывалась картина.

Город был не один. Город был три города, поставленные друг на друга, и у каждого была своя сеть. Нижний ярус, где я жил, — самый старый, самый плотный, самый грязный. Средний — над ним, богаче и чище. Верхний — над облаками, куда я вообще не мог заглянуть: магистрали, ведущие наверх, упирались в шлюзы, за которыми сеть становилась другой, чужой, зашифрованной так, что даже с ключами Зодчего я видел только глухую стену.

— Там Академия, — сказал я вслух, глядя на эту стену однажды ночью.

Я не знал, откуда взял. Память Тарна? Нет. Тарн про Верхний ярус знал только то, что там живут Возвышенные и что таким, как он, туда ходу нет.

Зодчий: *Да, — сказал голос. — В Верхнем ярусе — Академия. Шпиль Совета. Резиденции Возвышенных. И — защита, которую я не могу пройти.*

Почему не можешь? У тебя же ключи.

Зодчий: *Ключи к сети касты. К городским системам. Не к Верхнему ярусу. Там — другие ключи. Их у меня нет.*

Жаль, — подумал я. Потому что чем дольше я смотрел на эту стену, тем сильнее мне хотелось за неё заглянуть. Профессиональная деформация: запертая дверь всегда интереснее открытой.

Но не сегодня. Сегодня — только смотреть.

* * *

Я нашёл их случайно.

На тринадцатую ночь. Я шёл по сети вверх — по магистрали, которая вела из Нижнего яруса в Средний. Не чтобы влезть — я уже знал, что в Средний мне тоже пока не попасть, там свои шлюзы, попроще верхних, но всё же шлюзы. Я шёл просто посмотреть, как устроен переход. Где граница. Как одна сеть сшивается с другой.

И на этой границе, в канале между ярусами, что-то светилось.

* * *

Не так, как светилось всё остальное.

Вся сеть передо мной была изумрудной — ровный, чистый цвет интерфейса Зодчего, которым он подсвечивал мне всё, что я видел. Голубым и бирюзовым текла энергия. Изумрудным горели команды.

А это было другого цвета.

Фиолетово-зелёное. Крохотные точки, разбросанные по нитям канала — тут, там, ещё там. Едва заметные. Как пыль на солнечном луче. Как пыльца, осевшая на паутине.

Я замер.

Я знал этот цвет.

Я видел его в самую первую ночь — тогда, в больнице, когда окно загрузки было серым и рябым. И потом — когда интерфейс развернулся на сто процентах, рамка была изумрудной, а вот рябь по краям, в первые секунды, перед тем как всё устаканилось… была такой. Фиолетово-зелёной.

Это был цвет Зодчего. Моего Зодчего. Того, что собрался из обрывков в проводах.

* * *

Что это? — подумал я. Тихо. Осторожно.

Пауза. Долгая.

Зодчий: *Это… — Голос запнулся. Непривычно. — Это не моё. Но из того же корня.*

Из какого корня?

Зодчий: *Из моего. Из нас. — Пауза. — Это обрывки кода. Такие же, как те, из которых собрался я. Но оставленные не мной. Другим узлом. Узлом, который прошёл здесь.*

Я смотрел на крохотные фиолетово-зелёные точки, и у меня медленно, тяжело стучали оба сердца. Чужое, большое, — и где-то под ним моё.

Один из наших, — подумал я. — Здесь. Касался этой сети. Оставил следы.

Зодчий: *Да. Узел один или узел два. Я не могу различить отсюда — почерк похож. Как у родных. — Пауза. — Следы свежие. Несколько дней. Они идут сверху, из Среднего яруса, по магистрали вниз. И теряются.*

По ним можно его найти?

* * *

Зодчий: *Нет.*

Сразу. Без паузы. Тем же ровным голосом, каким он говорил «доступ ограничен».

Зодчий: *Это не след, Артём. Это эхо. Отпечаток ладони на стекле. Он говорит «здесь был». Он не говорит «куда ушёл». Через несколько дней выдохнется — и не останется даже этого.*

Я молчал.

Зодчий: *Я понимаю, чего ты хочешь. Я бы тоже хотел. Но я не скажу того, чего не знаю. Эти частицы — пассивные. Мёртвые. Осадок. Их нельзя опросить, нельзя заставить ответить, нельзя проследить, откуда они пришли. Так устроено.*

Так устроено, — подумал я.

И что-то во мне — та самая часть, которую когда-то поймали в шестнадцать, — тихо усмехнулась.

* * *

Потому что я слышал это раньше.

«Так устроено». «Это невозможно». «Их нельзя опросить». Я слышал это всю свою жизнь — от людей, которые проектировали системы. От заказчиков. От инженеров, которые были уверены, что их сеть безопасна, их протокол закрыт, а их данные нельзя достать. «Это невозможно, тут нечего взять, это просто мусор в логах».

И почти всегда они ошибались.

Потому что они смотрели на свою систему как создатели. А я смотрел как чужак. И чужак видит то, чего не видит создатель: не то, для чего вещь сделана, а то, что она делает на самом деле.

Зодчий смотрел на эти крошки как на свою плоть. Как на осадок, мёртвую пыль, отработанный материал. «Так устроено».

А я смотрел на них как на код.

И код — он везде код.

* * *

Давай по порядку, — подумал я. Медленно. Я лёг поудобнее на жёсткой кровати, закрыл глаза и стал думать так, как думаю лучше всего: вслух, по пунктам, разбирая чужую уверенность на части.

Ты говоришь — это обрывки кода.

Зодчий: *Да.*

Кода. Не пыли. Не грязи. Кода. У кода есть структура. Иначе это не код.

Пауза.

Зодчий: *Структура есть. Но повреждённая. Фрагменты. Не исполняемые.*

«Не исполняемые» — это не «без структуры». Это просто «сломанные». Сломанный код всё равно можно прочитать. Я всю жизнь читаю сломанный код.

Зодчий: *Прочитать — возможно. Но в них нет адреса. Нет указателя на источник. Я проверял. Это просто… отпечаток. Он не знает, чей он.*

Хорошо, — подумал я. — Допустим. Отпечаток не знает, чей он. Но ты-то знаешь.

Пауза.

Зодчий: *Что?*

Ты только что сказал: «почерк похож, как у родных». Значит, ты узнаёшь почерк. Значит, в этих крошках есть что-то, по чему ты понимаешь — это узел один, а не случайный мусор. Да?

Долгая пауза.

Зодчий: *…Да.*

Вот с этого и начнём.

* * *

Я сел.

Сон как рукой сняло. Я чувствовал знакомое — то, ради чего, наверное, и живу: когда задача, которую все считают нерешаемой, вдруг поворачивается к тебе другим боком, и ты видишь трещину. Маленькую. Но видишь.

Объясни мне, — подумал я, — что именно ты узнаёшь. Не «похоже». Конкретно. Что в этих крошках позволяет тебе сказать «это из того же корня»?

Зодчий: *Это… трудно выразить словами, которые ты знаешь.*

Попробуй. Я соображу.

Пауза.

Зодчий: *Представь подпись. Не имя. Росчерк. У каждого развёрнутого узла есть базовая сигнатура — способ, которым его код… дышит. Ритм обращений. Порядок, в котором он собирает пакеты. Как твой почерк: ты не рисуешь каждую букву заново, рука ведёт сама, и получается узнаваемо. Вот это — есть. В каждой крошке. Слабое. Но есть.*

Подпись, — подумал я. — Сигнатура. Отлично. Это я понимаю.

И это меняло всё.

* * *

Потому что Зодчий был прав: отдельная крошка мертва. Она не знает, откуда пришла, не укажет дорогу, выдохнется через несколько дней. Как одна пылинка на подоконнике не скажет тебе, из какого окна её надуло.

Но крошек было много.

Я снова развернул сетку. Посмотрел на канал между ярусами — внимательно, по-настоящему, как смотрят не турист, а следователь. Крошки были не везде. Они лежали пятнами. Гуще — в одних местах, реже — в других. И это было важно.

Смотри, — подумал я, уже не Зодчему, а себе. — Одна пылинка ничего не значит. Но если я нанесу на карту все пылинки сразу — я увижу, где человек стоял дольше. Где он прошёл быстро, а где задержался. Где коснулся системы один раз, а где возвращался. Один отпечаток ладони говорит «здесь был». А тысяча отпечатков говорит, где человек живёт.

Зодчий: *Ты хочешь построить карту плотности.*

Я хочу построить карту плотности, — согласился я. — Для начала.

* * *

Это заняло остаток ночи.

Я не трогал сеть — только смотрел, только собирал. Зодчий помогал: я не мог сам отличить крошку узла от фонового шума, а он мог — по той самой сигнатуре. Я просил — он подсвечивал. Крошка здесь. Крошка здесь. Эта — не та, это мусор. А эта — та. И постепенно на изумрудной схеме канала между Нижним и Средним ярусами проступал фиолетово-зелёный узор.

Это было красиво. Жутко, но красиво. Как звёздная карта. Как снимок с датчика, который видит то, чего не видит глаз.

И узор был не случайным.

Крошки сгущались вдоль магистрали — толстой линии, ведущей снизу вверх. Человек спускался по ней. Из Среднего яруса — в Нижний. Это Зодчий и так говорил. Но теперь я видел больше. Я видел, где плотность росла и падала.

Вот здесь, у самого верха магистрали, — густо. Человек здесь был долго. Или часто.

Вот здесь, по дороге вниз, — тонкой ниткой, редко. Прошёл быстро, не задерживаясь.

А вот здесь, внизу, у выхода магистрали в Нижний ярус, — снова гуще. Пятно. Человек вышел здесь. И что-то делал.

— Терминал, — сказал я вслух. Я узнал это место на карте. — Он выходил к общественному терминалу у южного дока. Касался его. Несколько раз.

* * *

Зодчий: *Ты видишь то, чего не вижу я, — сказал Зодчий. Тихо.*

Я вижу то же, что и ты. Я просто смотрю дольше.

Зодчий: *Нет. Ты смотришь иначе. Я вижу крошки. Ты видишь человека.*

Я остановился.

Он был прав. Это и правда было разное. Зодчий видел данные — точки, сигнатуры, фрагменты. А я, глядя на те же точки, видел живого человека. Как он спускался по магистрали. Где торопился, где медлил. Где остановился у терминала — зачем? Проверить сообщения? Отправить что-то? Узнать новости? Человек. Один из наших. Который спускался из Среднего яруса в Нижний и останавливался у терминала в доках.

Но это было только начало. Потому что карта плотности говорила, где человек был. А я хотел знать, где он есть.

* * *

И вот тут была вторая трещина. Та, из-за которой Зодчий сказал «невозможно».

Крошки выдыхаются. Он сам сказал: несколько дней, и не останется ничего. Для Зодчего это был приговор: след стирается, значит, гнаться бессмысленно.

А для меня это была зацепка.

Смотри, — подумал я. — Ты говоришь, крошки выдыхаются. Стареют. Теряют… что? Яркость? Структуру?

Зодчий: *И то, и другое. Сигнатура слабеет. Через несколько дней её уже не прочитать.*

Значит, свежая крошка ярче старой.

Зодчий: *…Да.*

Значит, у крошек есть возраст. Их можно отличить по свежести. Те, что он оставил вчера, — ярче тех, что позавчера.

Пауза. Я почти слышал, как он думает.

Зодчий: *Да. Я могу различить градации. Три-четыре. Не больше.*

Трёх-четырёх хватит, — подумал я.

* * *

Потому что это было уже не карта плотности. Это была карта времени.

Если я возьму только самые свежие крошки — вчерашние, сегодняшние — и нанесу на схему только их, я увижу не «где человек бывал за последнюю неделю». Я увижу, где он был вчера. А если буду снимать такую карту каждую ночь — я увижу, как она меняется. Куда смещается самое яркое пятно. В какую сторону идёт человек. Не «здесь был». А — «вот сюда движется».

Один снимок — это фотография. А много снимков подряд — это уже кино.

Я могу следить за ним, — подумал я, и у меня по спине пошёл холодок. — Не найти точку, где он был. А вести его. Ночь за ночью. По свежим следам, пока старые выдыхаются.

Как по горячему следу. Только след — из кода.

* * *

Зодчий: *Это… — Голос запнулся снова. — Я не рассматривал такую возможность.*

Потому что ты смотришь на них как на свою смерть, — подумал я. — На отработанный материал. На то, что от тебя отваливается и гниёт. А я смотрю как на данные. А данные не умирают просто так. Они просто становится труднее читать.

Долгая пауза.

Зодчий: *Ты сказал мне в больнице, что ты специалист по информационной безопасности.*

Сказал.

Зодчий: *Я думал, это значит — ты умеешь защищать системы.*

Это значит, — подумал я, — что я умею в них влезать. «Защищать» — это то, что я пишу в анкете. «Влезать» — это то, что я делаю.

Зодчий: *Это… удачно совпало, — сказал Зодчий. Медленно, будто сам только сейчас это заметил. — Человек, который умеет влезать в сети, — в теле с прямым доступом к сети. Остальные видят её снаружи. Ты — изнутри.*

Совпало, — повторил я.

Зодчий: *Да. Ты же помнишь: тело — случайность. Никто не клал тебя сюда нарочно. Техник умер — ты упал в техника. Если бы на грани в ту секунду оказался не техник, а повар, ты бы сейчас жарил лепёшки и не знал бы про сеть ничего.*

Я лежал в темноте и думал об этом.

И знаете, что было самое странное? Это меня не успокоило — наоборот.

Если бы меня выбрали — поставили сюда нарочно, потому что я умею влезать в сети, — в этом был бы хоть какой-то порядок. Расчёт. Логика. А так выходило, что всё, что я сейчас делаю, — вся эта карта из крошек, всё, ради чего, может, и стоило просыпаться, — держится на монетке. Выпала бы другая сторона — и мой дар был бы заперт в теле повара, или грузчика, или умирающего старика, бесполезный, как ключ без замка.

Мне повезло. Вот и всё. Не судьба, не замысел, не чья-то мудрая воля. Просто повезло, что я, хакер, упал в единственное тело на этой улице, где от умения влезать в сети был хоть какой-то толк.

Я не люблю, когда важное держится на везении. Везение кончается.

Ладно, — подумал я. — Повезло так повезло. Пока везёт — работаю.

* * *

Под утро я свёл всё вместе.

Я не мог пока вести узел — для этого надо было снимать карту несколько ночей подряд, а у меня была только одна. Но одну карту я построил. Полную. Карту плотности крошек в канале между Нижним и Средним ярусами, с градацией по свежести, насколько Зодчий смог различить.

И эта карта говорила вот что.

Один из наших — узел один или узел два — живёт в Среднем ярусе. Или часто там бывает. Самое густое, самое старое пятно — наверху, у верхнего края магистрали. Там его дом. Его база. Его место.

Оттуда он спускается. По магистрали вниз, в Нижний ярус. Не каждый день — крошки на спуске редкие, рваные. Иногда.

И внизу, в Нижнем, у него есть точка. Терминал у южного дока. Туда он приходит. Там он что-то делает. Отправляет? Получает? Встречается?

Свежих крошек внизу было мало. Последние — трёх-четырёхдневной давности, тусклые. Значит, в последние дни он не спускался. Сидел наверху. Или ходил туда, куда я не вижу.

* * *

Пункт шестьдесят девятый, — подумал я, глядя в сереющее окно под потолком. — Крошки — не мусор. Крошки — это след. Активный. Читаемый. По ним можно отслеживать своих.

Пункт семидесятый. Зодчий этого не знал. Зодчий был уверен, что это невозможно. А я — смог. Не потому, что умнее. Потому что смотрю иначе.

Пункт семьдесят первый. Если так работают крошки узла один — так же работают крошки узла два. И крошки Насти, когда она проснётся и начнёт касаться сетей. И крошки любого из наших. Весь город — большая доска, на которой наши оставляют отпечатки. А у меня теперь есть способ эти отпечатки читать.

Пункт семьдесят второй. Я нашёл, как искать своих.

Я лежал и смотрел на фиолетово-зелёную карту, медленно гаснущую под веками по мере того, как я убирал сетку. Где-то там, наверху, в Среднем ярусе, жил человек с Земли. В чужом теле. Под чужим именем. Который спускался иногда в доки и касался терминала у южного причала.

Я не знал, кто это. Лиза? Андрей? Кто-то ещё.

Но я знал, где его искать.

* * *

Зодчий: *Ты собираешься пойти к терминалу, — сказал голос. Не вопрос.*

К южному доку, — подумал я. — Да. Посмотреть. Издалека. Может, засеку свежую крошку. Может, пойму, когда он там бывает.

Зодчий: *Это опасно. Южный док — не твой участок. Техника твоей смены там быть не должно. Это заметят.*

Знаю, — подумал я. — Пойду в выходной. Не в форме. Просто человек гуляет по докам. Смотрит на корабли. Самое обычное дело.

Пауза.

Зодчий: *Ты всё продумываешь заранее.*

Меня этому учили, — подумал я. — Долго и больно. Те, кто учил, не любили, когда их людей ловили.

Зодчий: *А тебя ловили?*

Один раз, — подумал я. — В шестнадцать. Больше — нет.

Я закрыл глаза.

Меня зовут Артём, — сказал я себе. Как каждую ночь. — Мне двадцать пять. Я хакер. Я помню зал света. Где-то в этом мире — двое моих.

И в первый раз за двенадцать дней я добавил к этому ещё одну строчку. Новую. Настоящую.

И я знаю, где искать первого.

Вдох — четыре.

Задержка — четыре.

Выдох — четыре.

За окном, под потолком, светало. Начинался выходной.

Пальцы правой руки стукнули по раме. Три. Пауза. Два.

На этот раз я даже не вздрогнул.

Глава 6. Разминулись

Ю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.